

попытка властей по липши порчи денег, т. е. обесценивание монет в 3 раза с сохранением их прежнего достоинства. А. Н. Молвыгин пишет об этом, что так как отмены реформы нельзя было добиться, то население при денежных расчетах, купечество и власти городов стали принимать новую монету не по номинальной стоимости, а с пересчетом ее в стоимость старой, что быстро повсеместно в Ливонии укоренилось вопреки запретам властей.²⁷ Это положение и зафиксировано, по нашему мнению, в находящемся в «Памяти» равенстве «новая гривна — три гривны». Под гривной здесь понимается ливонская счетная марка. Это позволяет датировать денежный счет, отраженный в «Памяти», временем после 1426 г., когда в Ливонии закончилась реформа и местное население стихийно нашло выход, как продолжать торговлю, не теряя убытка от новой монеты. Для Новгорода это были годы, когда наряду с собственной серебряной денгой во внутренней торговле еще использовались ливонские и литовские монеты. Они не могли сразу полностью исчезнуть из обращения из-за оживленных торговых связей новгородцев со своими западными соседями, поездок русских купцов в Ливонию и Литву, а также из-за постоянного присутствия в Новгороде купцов из этих стран. Наличие в обращении благодаря этому большого количества разных номиналов было очень удобно для розничной торговли, но требовало также общепризнанной традиционной системы пересчета иноземных номиналов на свои серебряные новгородки, которая не обязательно аналитически точно соответствовала содержанию серебра в иноземной монете.

Таким образом, можно прийти к выводу, что разобранный здесь приписка к Минее 1494 г. очень четко характеризует существовавшую в Новгороде на внутреннем рынке в течение немалой части XV в. систему неофициального народного денежного счета в условиях обращения как своей, так и иноземной монеты.

А. А. АМОСОВ

**ДАТИРОВКА И КОДИКОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
«ИСТОРИИ ГРОЗНОГО»
В ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ**

(Заметки о бумаге так называемой Царственной книги) *

1. В 1769 г. князь М. М. Щербатов опубликовал обнаруженную им в Синодальной библиотеке рукопись (ныне — ГИМ, Сп. 149), содержащую изложение отечественной истории за 1534—

²⁷ Там же, с. 386.

* Первые четыре раздела данной статьи были написаны в 1976 г. и первоначально не предназначались для публикации, поскольку теорети-

1553 г. За два столетия, минувших со времени издания, эта рукопись, названная издателем «Царственной книгой» (далее — Ц), неоднократно служила предметом дискуссий, продолжающихся и поныне.

В 1893 г. А. Е. Пресняков установил место Ц в ряду других лицевых летописей, высказав предположение, что данная рукопись является исправленным и дополненным вариантом последнего тома Лицевого летописного свода, в котором должна была заметить так называемую Никоновскую летопись с рисунками (ГИМ, Спб. 962; далее — С).¹

В 1899 г. Н. П. Лихачев на основании анализа бумаги и миниатюр доказал принадлежность Ц (как и остальных рукописей Лицевого свода) к эпохе Ивана Грозного.² Тонкая и интересно аргументированная гипотеза А. Е. Преснякова о соотношении С и Ц была принята Лихачевым безоговорочно, хотя собранный и опубликованный им филигранологический материал и обязывал бы, как кажется, к серьезной проверке данного суждения.

Положения А. Е. Преснякова и Н. П. Лихачева о первичности С по сравнению с Ц и принадлежности Свода в целом ко времени Ивана Грозного определили направление исследований последующего периода. В работах 40—60-х годов нашего столетия гипотеза двухэтапного редактирования заключительной части Свода приобрела характер аксиомы и соответственно все источниковедческие изыскания были направлены на пересмотр или (в единичных случаях) на дополнительное обоснование датировки, установленной Лихачевым.³ Не лишено интереса (и весьма показательно) то обстоятельство, что при пересмотре датировки собственно филигра-

чески выкладки не могли быть проверены обращением к подлинным рукописям. В конце 1978 г. благодаря любезности руководства ГИМ мы смогли просмотреть отчасти интересующие нас листы С и Ц. Так как все ранее выполненные предположения вполне подтвердились, мы сочли возможным опубликовать текст работы 1976 г., сократив раздел II (высказанные там положения более обстоятельно разработаны в другой статье) и дополнив работу рядом новых соображений (раздел V). Впервые основные положения статьи доложены на заседании в ОРРК БАН СССР в январе 1979 г. До этого о них знали лишь некоторые наши коллеги, занимающиеся изучением летописания XVI в.

¹ Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. — Примечательно, что, неоднократно указывая в этой статье на вторичность Ц относительно С, Пресняков все-таки счел нужным оговориться, что лишь л. 113—218 и 222—231 Ц являются исправленной копией С.

² Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. I. СПб., 1899, с. СLIV—СLXXXI. — Напомним, что, согласно Лихачеву, основные работы над Сводом велись в 70-х—начале 80-х годов XVI в.

³ Историографический обзор см.: Шмидт С. О. 1) Когда и почему редактировались липевые летописи времен Ивана Грозного. — Советские архивы, 1966, № 1, 2; 2) О датировке приписок в Лицевом летописном своде. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975. — Новейшая литература указана также в издании: Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982.

пологические наблюдения Лихачева не оспаривались,⁴ вся внешняя критика памятника оставлялась в стороне, а аргументы в пользу той или иной концепции добывались прежде всего в процессе критики содержания исследуемых текстов (по изданиям их в составе ПСРЛ).⁵

Узость круга источников, прямо или косвенно свидетельствующих о происхождении Свода (с практическим исключением основного источника — кодекса рукописи), при заранее определенном направлении поиска и заданности граничных условий, в пределах которых возможно решение задачи, имели следствием принятие логической экзегезы в качестве основного метода исследования. Экзегетический подход к информации социально-политического характера, используемой для решения основных задач исследования, при стабильности комплекса подлежащих истолкованию источников и высоком профессионализме авторов приводит к равновероятным и логически непротиворечивым гипотезам. Доказать предпочтительность одной из них перед прочими, оставаясь в замкнутом информационном пространстве, невозможно. К концу 1960-х годов стала ощущаться настоятельная потребность либо в разрыве традиционных представлений, либо в привлечении новой информации.

Попытка выхода из рамок гипотезы А. Е. Преснякова о месте Ц в ряду лицевых летописей была совершена в 1970 г., когда Т. Н. Протасьева высказала предположение о былом единстве С и Ц, разделенных в XVII в. на две рукописи.⁶ Согласно Протасьевой, копией с С, сделанной с учетом скорописной правки, является не вся Ц, а лишь ее текст за копец 1535—1542 г.⁷ Основанием для подобных выводов явился палеографический анализ миниатюр, подкрепленный обращением к некоторым фактам из

⁴ См., например: З п м пн А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 68—69.

⁵ Д. Н. Альшиц (Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — Истор. запiski, 1947, вып. 23, с. 285—288) для обоснования своей гипотезы использовал и данные флигранологии, однако при истолковании их остался в рамках материала, приведенного еще Н. П. Лихачевым. Самостоятельного анализа филиграней Лицевого свода Д. Н. Альшиц не провел.

⁶ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева), ч. I. Составила Т. Н. Протасьева. М., 1970, № 577—819. См. также: Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962). — Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г. М., 1974. — Точка зрения Протасьевой относительно былого единства С и Ц явилась краеугольным камнем в гипотезе Б. М. Клосса, излагавшейся в серии докладов 1975—1978 гг. в Институте истории СССР, Отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Неоднократно откорректированная гипотеза отражена Б. М. Клоссом в монографии «Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков» (М., 1980).

⁷ Т. е. л. 113—218 и 222—231 Ц, что было отмечено еще А. Е. Пресняковым (см. примеч. 1).

истории бытования рукописей Свода в XVII—XVIII вв.⁸ Следует, однако, отметить, что по степени аргументированности предположение Протасьевой не могло сравниться с гипотезой Преснякова и нуждалось в дополнительном всестороннем и обстоятельном обосновании.

В рамках традиционных концепций поиск новых аргументов был возможен в заповедной дотеле сфере внешней критики. Поэтому совершенно закономерным явилось обращение С. О. Шмидта — впервые после Н. П. Лихачева — к водяным знакам Ц.⁹ Шмидт, привлекая филигранологический материал Ш.-М. Брике, указывает на правомерность отнесения работ над Ц ко второй половине 70-х — началу 80-х годов, подтверждая тем самым достоверность датировки Лихачева.

Почти одновременно к филигранологическим изысканиям обратился и Р. Г. Скрынников.¹⁰ Автор суммирует и отчасти конкретизирует положения, высказанные им в более ранних работах,¹¹ указывая на ноябрь 1563 г. — май 1564 г. как время редактирования Ц. Краткий филигранологический экскурс, призванный, по замыслу автора, подкрепить построения, основанные на истолковании фактов социально-политической истории, не убеждает, однако, в правомерности исходной посылки всей гипотезы.¹² Причиной этого является не только наличие фактических ошибок, обусловленных некорректностью методических приемов (об этом — далее); вызывает возражение сам принцип использования отдельных, может быть случайно выбранных, элементов внешней критики без предварительного изучения всех ее составляющих.¹³

---

⁸ Почему-то в предшествующей литературе совершенно игнорировался тот факт, что рукописи Лицевого свода в их современном виде сформировались не ранее середины XVII в. Феномен, необъяснимый ни в методическом, ни в психологическом отношениях.

⁹ Шмидт С. О. О датировке приписок. . . , с. 307—310.

¹⁰ Скрынников Р. Г. О времени работы Ивана Грозного над Лицевым сводом. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 161.

¹¹ Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. Л., 1966, с. 25—33; 2) Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, с. 81—88. — Любопытно, что в первой монографии автор высказал весьма скептический взгляд на возможности филигранологического анализа. (Позднейшие работы Скрынникова, затрагивающие вопросы происхождения Лицевого свода, не содержат принципиально новых подходов и решения, воспроизводя с некоторыми вариациями и уточнениями раннюю гипотезу).

¹² Мы пока оставляем в стороне разбор концепции Р. Г. Скрынникова в полном ее виде, поскольку это выходит за рамки сюжетов частного источниковедения, но затрагивает и такие общие проблемы, как общая методика исторического исследования, принципы отбора и интерпретации исторических фактов.

¹³ Совершенно справедливо замечание автора о том, что «Всестороннее палеографическое изучение Царственной книги является делом будущего» (Скрынников Р. Г. О времени работы. . . , с. 160). В силу сложившейся историографической традиции содержание Ц оказалось изученным несрав-

Историографическая справка показывает, что вплоть до последнего времени исследователи Лицевого свода оперировали тем кругом филигранологического материала, который был определен еще в конце прошлого века; эти сведения не только не подвергались проверке с учетом современных достижений филигранологии, но даже и использовались в минимальном объеме. Бытование в научной литературе нескольких гипотез происхождения Ц, настолько различных, что приведение их к общему знаменателю не представляется возможным, вынуждает к исследованию этого вопроса на основании новых сведений, с привлечением новых методов, не использовавшихся или неизвестных ранее. Предлагаемые заметки являются частью этой осуществляемой нами сейчас работы.

II. Перед тем как перейти к анализу филиграней, считаем необходимым сделать ряд замечаний методического характера.¹⁴

Филигранологическая датировка с точностью до десятилетия в настоящее время не встречает сколько-нибудь серьезных возражений. В принципе, используя современные методы анализа, в ряде случаев можно достигать и более высокой точности. Для этого необходимо в первую очередь различать понятия *сюжета* бумажного знака и *конкретного знака*. Еще классиками современной филигранологии установлено, что бумажный знак является знаком отдельной бумажной формы. Сюжет знака мог использоваться на протяжении десятилетий, выходить за пределы одной мельницы, даже за пределы одной страны, приобретать интернациональный характер, тогда как время производства бумаги с конкретным знаком определялось сроком службы формы для отливки, каковой редко превышал два года. Поскольку для раннего периода бумажного производства точные даты смены форм нам неизвестны, основным датирующим моментом является *время использования* бумаги с конкретным знаком. Смена бумажных форм в процессе производства определяла *очередность введения в оборот* бумаги с конкретными знаками.

Понятие конкретного знака предусматривает унифицированную терминологию, жестко определяющую степени сравнения и уровни классификации знаков. Нами обоснована (см. примеч. 14) и используется следующая система:

ненно лучше, чем кодекс. Однако это обстоятельство, особенно в наше время, не может служить оправданием такого подхода к источнику, который еще в 1930-х годах был охарактеризован как «потребительский» (см.: Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников. — В кн.: Источниковедение отечественной истории, вып. 1. М., 1973, с. 84 и др.).

¹⁴ Мы ограничиваемся здесь предельно краткими положениями, необходимыми для правильного понимания последующего изложения. Подробнее см.: Амосов А. А. Проблема точности филигранологических наблюдений. I. Терминология. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981.

Степень сравнения	Уровень классификации
<i>Тождественность</i> (полное совпадение)	<i>Вариант</i> (знак, почти тождественный определенному)
<i>Близость</i> (тождество в деталях, с незначительными отклонениями в размерах и расположении)	<i>Разновидность</i> (относительно определенного знака)
<i>Сходство</i> (наличие отдельных новых черт в пределах одного сюжета)	<i>Вид</i>

При этом тождественность знаков указывает на происхождение листов бумаги из одной формы; близость — из разных, но синхронно бытовавших форм; сходство — из несинхронно используемых форм. В рамках нашей системы терминов понятие *тип* знака является более широким, чем *сюжет*.

Введение новых степеней сравнения и уровней классификации знаков обусловлено как историко-технологическими, так и методическими соображениями. К числу последних относится прежде всего уточнение сферы применения формулы В. Н. Щепкина, действительной для *близких* (в нашей системе) знаков и требующей корректировки для *сходных*.

Определение и идентификация знаков на уровне вида и особенно разновидности требуют использования всего филигранологического материала рукописи, исключая тем самым иллюстративный подход, обычный при определении на уровне сюжета.¹⁵ Разумеется, что филигранологический анализ и филигранологическая датировка не заменяют полного палеографического изучения и датировки по совокупности признаков, но являются вместе с тем необходимым этапом внешней критики источника, позволяющим определить примерную грапицу, ранее которой данная рукопись не могла быть написана, и установить примерный интервал времени, в пределах которого и следует особенно внимательно сопоставлять как внешние признаки рукописи, так и данные, извлекаемые из ее содержания. Иными словами, исследование бумаги, как материального носителя текстов, является фундаментом, обеспечивающим устойчивость следующих этажей источниковедческих построений.¹⁶

III. Публикация и подробное описание филиграней Ц позволяют провести предварительное исследование без обращения к подлиннику.¹⁷

¹⁵ В основу филигранологической датировки могут быть положены и показания одного-двух знаков, являющихся как бы ключевыми для всей рукописи. Однако признанию в этом качестве должно предшествовать изучение *всей* совокупности знаков, не исключая и единичных, казалось бы, случайных вкраплений, с учетом как подтверждающих, так и исключающих друг друга показаний каждого знака.

¹⁶ Прежде всего для оригиналов памятников. В иных случаях соотношение филигранологического анализа и иных приемов будет более опосредствованным.

¹⁷ Применительно к Ц Н. П. Лихачев привел практически все сведения, которые могли попасть в поле зрения палеографа на рубеже веков. Знаки,

Как известно, при написании текстов, составивших Ц, была использована бумага нескольких сортов, объединяемых в две группы. Основная часть рукописи (далее — Ц-А=421 лист)¹⁸ исполнена на бумаге того же типа, что и другие рукописи Свода, с близкими, а иногда и тождественными знаками пяти сюжетов. Чередование сюжетов знаков в Ц-А позволяет выделить в данной части рукописи два пласта, связанных общей зоной перехода. Определяющий знак первого пласта (Ц-А-1) — литеры АF, соединенные розеткой; определяющие знаки второго (Ц-А-2) — литеры ВF, соединенные трилистником, и литеры АРR под короной; проходные знаки Ц-А в целом — «малая корона» и литеры IRI в картуше. Соотношение пластов в Ц-А видно из сопоставления:

	Литеры АF	«Корона» и литеры IRI	Литеры ВF	Литеры АРR
Ц-А-1	156 л.	60 л.		
Связующая зона	44 л.	10 л.	3 л.	
Ц-А-2		56 л.	64 л.	28 л.

Наличие проходных знаков и связующей оба пласта зоны свидетельствуют о последовательности написания текстов, занесенных на листы Ц-А.¹⁹

Сюжет знака «литеры АF, соединенные розеткой», представлен в Ц двумя ветвями: знаки под короной и без короны, причем знак без короны имеет три разновидности (рис. 1). Использование бумаги с филигранями данного сюжета зарегистрировано на протяжении длительного периода.²⁰ Филигрань за эти годы претерпела заметную эволюцию. Элементом, несущим датирующую информацию, здесь является розетка. Наиболее ранний вид, где литеры соединены трехлепестковой розеткой с характерными завитками на концах линии, образующей розетку, отмечен Н. П. Лихачевым в документах 1566 г. (Лих. № 3209, 3210, 3240, 3242 — близкие разновидности). В 1568 г. вошел в оборот другой вид, где нижние

опубликованные им, определены (в терминах нашей системы) на уровне как минимум вида. Точность прорисей знаков, как показывает проверка, очень высокая, позволяющая уверенно выделять даже незначительные варианты.

¹⁸ Все количественные подсчеты здесь и далее выполнены (если специально не оговаривается иное) на основании данных П. П. Лихачева.

¹⁹ Последовательность использования бумаги при написании Ц-А очень существенна для установления соотношения С и Ц. Если предположение Т. Н. Протасевой о единстве С и Ц справедливо, то в л. 7—93 С мы должны встретить прежде всего знаки АF и «малой короны», а в нескольких десятках листов, следующих за л. 94, — чередование «малой короны» с филигранями ВF и АРR. (В действительности чередование знаков несколько иное. Л. 94 С, как и следовало ожидать, имеет знак ВF — любезно сообщено В. В. Морозовым, проверившим наше предположение просмотром этих листов, но далее снова идут знаки АF, «корона» и IRI. О причине такого распределения бумаги разных форм см. раздел V).

²⁰ По данным Брикe, использование бумаги с филигранями АF=№ 9237 и сходные с ним (в эту совокупность Брикe включает и все датированные знаки у Лихачева) ограничено 1563—1593 гг.

части литер соединены прямой, из середины которой восходит, возвращаясь в ту же точку, линия, образующая также трехлепестковую розетку (Брике, № 9237). В начале 70-х годов во Франции имела хождение бумага с филигранью третьего вида, где литеры

Рис. 1. Знаки AF в «Царственной книге». (Все воспроизведения знаков даны в масштабе 0.9 оригинала).

соединены крестообразной фигурой, три конца которой оканчиваются кружками, а нижний — раздвоенным углом (Брике, № 9238). Для 1577 г. Лихачев зарегистрировал знак (в русском документе!), где литеры соединены прямой, середины которой ка-

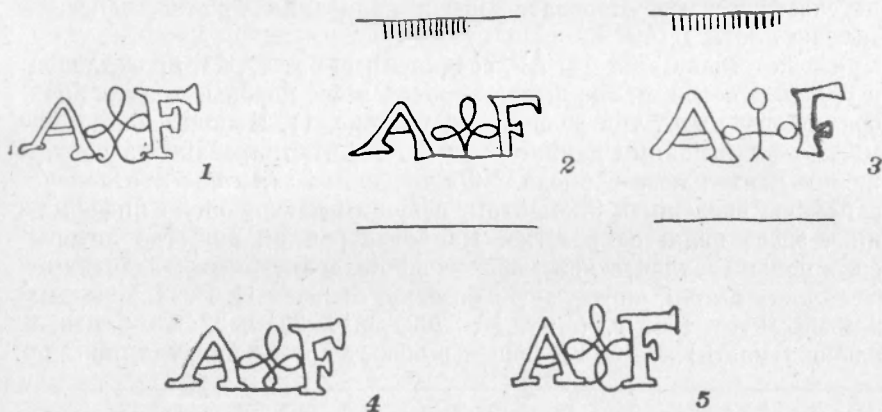

Рис. 2. Эволюция знака AF.

1 — Лих. № 3209 (1566 г.); 2 — Брике № 9237 (1568 г.); 3 — Брике № 9238 (1571—1573 гг.); 4 — Лих. № 3334 (1577 г.); 5 — Лих. № 3230 (1580 г.).

сается уже четырехлепестковая розетка, замкнутая по контуру (Лих. № 3334, 3335 — две разновидности). Наконец, им же в документах 1580 г. обнаружен знак, литеры которого соединены четырехлепестковой, но разомкнутой розеткой, концы которой примыкают к литерам на разных уровнях (Лих. № 3230). Очевидно, эволюция розетки имеет четкую тенденцию (рис. 2), которая подтверждается и знаками, где литеры AF представлены как аксессуар геральдического щита (рис. 3): в документе 1573 г. литеры соединены замкнутой четырехлепестковой розеткой (Лих. № 3225); в документе 1577 г. — трехлепестковой, разомкнутой,

без завитков (Брике, № 9240).²¹ Нетрудно убедиться, что знаки Ц по графике близки именно № 3230 (1580 г.) у Лихачева, причем при отливке бумаги, использованной в Ц, имела место уже некоторая деформация сеток форм, лишившая знаки строгой геометрии.²²

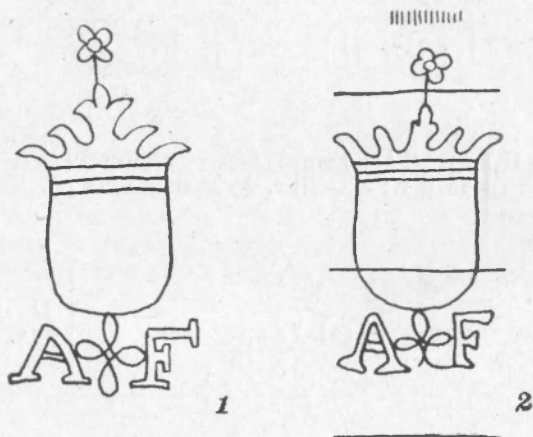

Рис. 3. Знаки АФ как аксессуары гербового щита.

1 — Лих. № 3225 (1573 г.); 2 — Брике № 9240 (1577 г.).

Для остальных знаков Ц-А нет столь обстоятельного материала, позволяющего детально установить эволюцию сюжета. Впрочем, и сами знаки (исключая разве литеры ВФ) не имеют в своем составе элементов, подверженных изменениям. Однако

Рис. 4. Знаки «корона» в Ц (1, 2) и датированном документе (3 — Лих. № 3249 — 1584 г.).

некоторый материал для сопоставления все же имеется. Знак, близкий разновидностям «малой короны» Ц, обнаружен в документах 1584 г. (Лих. № 3249 — рис. 4). Близкие разновидности знака ИРІ выявлены в документах 1579 и 1583 гг. (Лих. № 3229 и 3833 — рис. 5). Близкий знак в виде литер ВФ присутствует на

²¹ Розетка такого вида графически и генетически ближе к разомкнутой четырехлепестковой, чем к виду в знаке № 3209 у Лихачева.

²² И в других рукописях Свода (русской его части) розетка у знака АФ исключительно трех видов, аналогичных № 3225 (т. е. 1573 г.) и 3230 (1580 г.) у Лихачева и № 9240 (1577 г.) у Брике.

бумаге документа 1585 г. (Лих. № 3235 — рис. 6). Две разновидности знака APR известны по документам 1578 и 1584 гг. (Брике № 9258 и Лих. № 3835 — рис. 7).

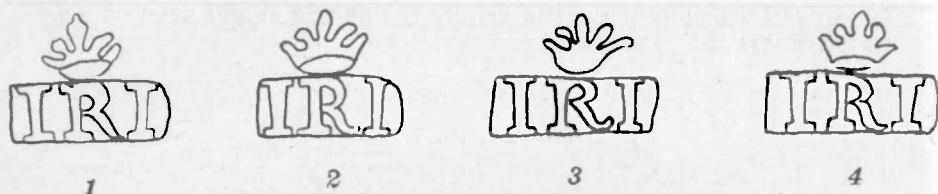

Рис. 5. Знаки IRI в Ц (1, 2) и датированных документах (3 — Лих. № 3229 — 1579 г.; 4 — Лих. № 3833 — 1583 г.).

Рис. 6. Знаки BF в Ц (1) и датированных документах (2 — Лих. № 3235 — 1585 г.; 3 — Брике № 9285 — 1599 г.).

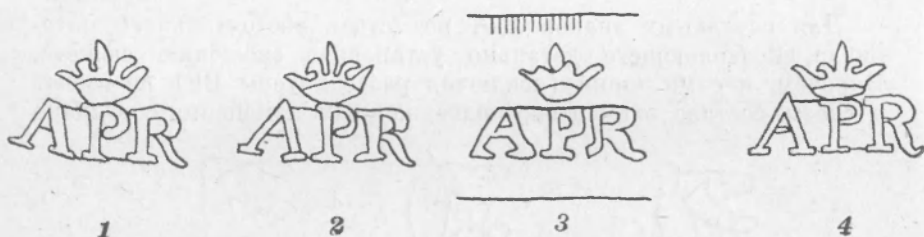

Рис. 7. Знаки APR в Ц (1, 2) и датированных документах (3 — Брике № 9258 — 1578 г.; 4 — Лих. № 3835 — 1584 г.).

Используя формулу В. Н. Щепкина, находим наиболее вероятный интервал бытования названных филиграней:

	Литеры AF	«Корона»	Литеры IRI	Литеры BF	Литеры APR
Интервал времени	1571/72— 1581/82 гг.	1579—1589 гг.	1576—1586 гг.	1580—1590 гг.	1576—1586 гг.

Поскольку для знаков «корона» и BF до настоящего времени в справочниках было установлено лишь по одной черной дате, что существенно ограничивало их датирующий потенциал, показания их пока оставим в стороне.²³ В этом случае наиболее вероятный

²³ Р. Г. Скрынников (О времени работы...) принимает (хотя и с оговорками) показания знака BF, обнаруженного в архиве Монрезы О. Валлеп-Субирой под 1564 г. (The New Briquet, v. I, p.* 74). Однако, судя по тер-

интервал для складывания такого сочетания знаков будет находиться между 1576 и 1581/82 гг.²⁴

Меньшая часть Ц (далее — Ц-Б = 265 листов) исполнена на бумаге четырех типов, нигде более в Своде не встречающихся. Знаки бумаги Ц-Б группируются в семь сюжетов. Кодикологическая структура Ц-Б очень сложна и до настоящего времени еще не поддавалась однозначному и детальному определению.

Первый (в порядке расположения на листах) знак Ц-Б был определен Н. П. Лихачевым как «Гербовый щит с тремя лилиями, над щитом розетка, под щитом картуш с надписью „... anns“».²⁵ В эмблематической части филиграни легко узнается герб Парижского университета.²⁶ В бандероли под щитом обычно помещалось имя фабриканта, однако среди известных нам французских бумажников этого периода нет такого, фамилия которого оканчивалась бы на «... anns». Загадка объясняется следующим образом: Н. П. Лихачев прочитал филигрань не с той стороны листа, и знак у него оказался срисованным в зеркальном повороте (рис. 8). С разворотом плоскости знака на 180° имя на бандероли легко определяется — это фамилия известного фабриканта Симеона Нивелль. Правда, имя на бандероли расположено как бы наизнанку, однако для данного сюжета этот конкретный случай не единичен (рис. 9).²⁷ Из всей совокупности знаков данного сюжета знак Ц наиболее сходен с № 1840 у Брике (1576—1581 гг.): общими для того и другого признаками являются розетка малого размера, рисунок бандероли с завитком в левом нижнем углу и петлей в правом верхнем и метрика щита.²⁸ В эволюции сюжета знак Ц был одним из промежуточных звеньев между

минологии комментариев издателей «Нового Брике», этот знак является вариантом (в крайнем случае разновидностью) знака № 9285 у Брике (см. рис. 6). Названный знак Брике связан с филигранью ВФ в Ц не более чем единством сюжета, следовательно, нет никаких оснований учитывать его при датировке Ц без установления эволюции. Впрочем, если даже считать знак ВФ в Ц ступенью в эволюции знаков № 9285 Брике и варианта Валле-и-Субиры, то среднестатистический интервал знака Ц по формуле Щепкина будет находиться между 1576/77 и 1586/87 гг.

²⁴ Даже если использовать максимальную поправку на залежность, составляющую, согласно С. А. Клепикову, ± 7 лет (см.: Клепиков С. А. Использование филигрanei... — Советские архивы, 1968, № 6), ранняя граница вероятного интервала не выйдет за рамки 70-х годов XVI в.

²⁵ Лихачев Н. П. Палеографическое значение..., т. I, с. 307.

²⁶ Ср. классическое описание знака, данное Брике: «Trois Fleurs de Lis posées deux et une, chef chargé de nuages d'où sort une main portant un livre, qui sont les armes de l'Université de Paris». — The New Briquet, v. 1, p. 135.

²⁷ «La banderolle qui porte le nom est placée à l'envers» — аннотация Брике к знаку № 1838. — Там же.

²⁸ Необходимо учитывать, что знак Ц сильно искажен в процессе использования формы; деформирующее усилие имело направление движения против часовой стрелки относительно центра знака, такого рода деформация может быть следствием устойчивой привычки мастера-черпальщика погружать форму в массу начиная с левого верхнего от знака угла.

№ 1839 и 1840 у Брике (рис. 10), а возможно, прямо предшествовал последнему.²⁹ Учитывая сказанное, можно предположить, что время бытования бумаги, отлитой с формы знака Ц, с наибольшей вероятностью относится к середине и второй половине 70-х годов XVI в.³⁰

Рис. 8. Знак «герб Парижского университета» в Ц в прямой и зеркальной прорисовке.

Бумажные знаки второго типа (гроздь винограда с литерным сопровождением) представлены в Ц-Б тремя сюжетами. К пер-

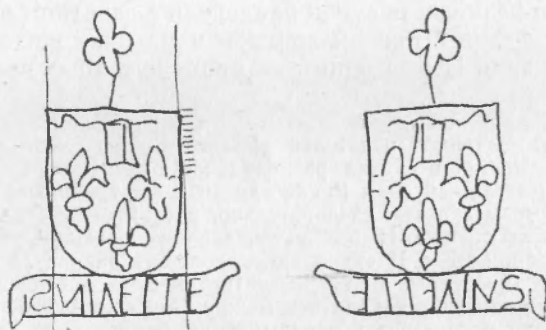

Рис. 9. Знак Брике № 1838 (1565 г.) в прямой и зеркальной прорисовке.

вому относятся два вида (Лих. № 2812 и 2813; рис. 11). Эту филигрань пытался использовать для обоснования ранней датировки

²⁹ Полагаем необходимым оговориться, что не исключено и обратное соотношение знаков Брике № 1840 и Ц. Согласно Брике, с течением времени ясно прослеживается тенденция к увеличению формата бумаги, маркируемой знаками анализируемого сюжета: от 32×41 см в начале 60-х годов до 33×43 см в конце 70-х. Нелишне напомнить, что формат Ц 33.2×47.1 см.

³⁰ Ср. пятилетний период обращения бумаги с филигранями, тождественными знаку № 1840 у Брике.

Ц Р. Г. Скрышников. Непонятно, правда, имел ли он в виду оба вида филигранни или какой-либо один: «2) кисть винограда с ли-
терами — этот знак отнесен Н. П. Лихачевым к 1567 г. (№ 3950),

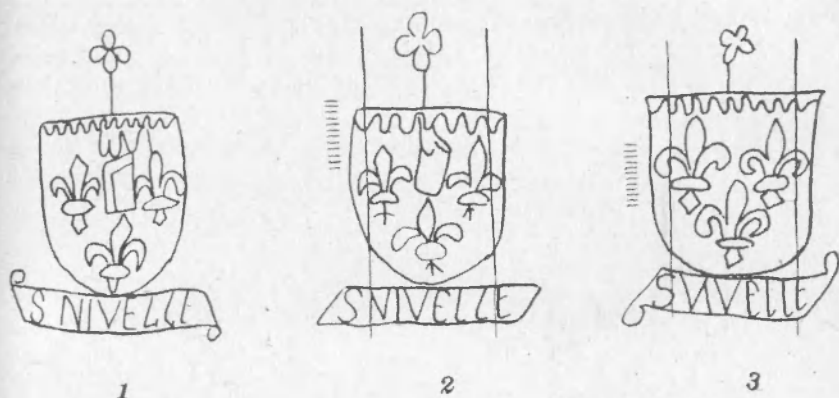

Рис. 10. Эволюция знака «герб Парижского университета».

1 — Лих. № 2958 (1563 г.); 2 — Брикe № 1839 (1569 г.); 3 — Брикe № 1840 (1576—1581 гг.).

Хивудом — к 1570 г. (№ 2163); Брикe дает, по-видимому, более полный материал, датируя этот знак 1535—1574 гг. (№ 13154)». ³¹
Так ли это, однако, на самом деле?

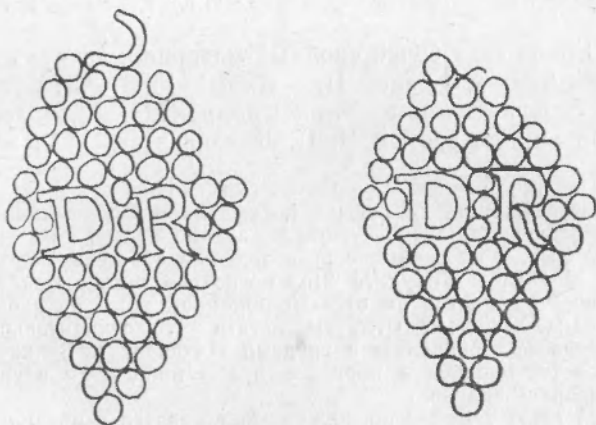

Рис. 11. Знаки «виноград» с литерами DR в Ц.

Под № 3950 в альбоме Лихачева опубликована действительно весьма близкая, но не полностью тождественная разновидность знаку № 2813. У Хивуда под № 2163 зарисован знак, стратигра-

³¹ Скрышников Р. Г. О времени работы... с. 161.

фически близкий второму виду данного сюжета в Ц-Б (рис. 12).³² Наконец, в альбоме Брике под № 13154 воспроизведен знак, лишь сходный с филигранями Ц-Б (рис. 12, ср. с рис. 13).³³ Итак, из трех отсылок Скрынникова две первые можно (с некоторой натяжкой) признать обоснованными, третью же — бездоказательной. Как мы только что показали, знаки Брике № 13154 и филигранные Ц-Б являются разными знаками, следовательно, слова Скрынникова

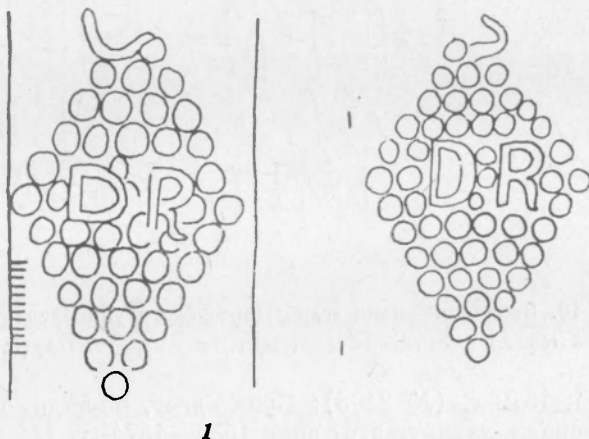

Рис. 12. Знаки «виноград» с литерами DR в датированных документах. 1 — Брике № 13154 (1533 г., сходные варианты до 1591 г.); 2 — Хивуд № 2163 (1570 г.).

о том, что Брике дает более «полный материал, датируя *этот знак* (т. е., судя по смыслу, знак Ц. — А. А.) 1533—1574 гг.», свидетельствуют о неразличении автором понятий «конкретного знака» (на котором еще со времен Н. П. Лихачева строятся все серьезные

³² В том и другом знаках практически совпадают число отдельных элементов, составляющих гроздь (за исключением двух лишних виноградин у мачты литеры D в знаке Хивуда, однако наличие их объясняется графикой литеры), и их взаимное расположение относительно друг друга. Знаки Лих. № 2813 и Хивуд № 2163 несколько отличаются линейными размерами, но не является ли отчасти причиной этого не вполне точная зарисовка знака Хивудом? Отметим, кстати, что отличительной чертой альбома Хивуда по сравнению с трудами Лихачева и Брике выступает гораздо менее тщательная, а иногда и прямо небрежная в графическом отношении прорисовка знаков.

³³ Знак № 13154 у Брике по контуру вписывается в правильный ромб, вдоль каждой из сторон которого укладываются семь виноградин, тогда как знак № 2813 у Лихачева — в неправильный четырехугольник, вдоль сторон которого размещаются семь (вверху) и восемь (внизу) виноградин; виноградина, от которой отходит черенок, в знаке Брике расположена справа от грозди, а в Ц-Б — слева; под литерами в знаке Брике выведено пять полных рядов виноградин, а в знаке Лихачева — шесть. Более мелкие различия оставляем в стороне, уже приведенных более чем достаточно, чтобы убедиться в принадлежности знаков Брике и Ц-Б к одному сюжету, по совершенно разным видам. Еще в большей степени это относится к знаку № 2812 у Лихачева, также представленному в Ц-Б.

ные филигранологические исследования) и «сюжета филигрانی». Укажем, что данной ошибки Скрынников мог бы и избежать, если бы, приводя ссылку на труд Брике, обратил внимание, что у Брике перед длинным перечнем отсылок, сопутствующем аннотации знака № 13154, приведена помета не «*varietes identiques*» (т. е. «разновидности тождественные»), но «*varietes similaires*» («разновидности сходные»).

Знак второго сюжета (Лих. № 2814) имеет близкую разновидность (Хивуд № 2177 — 1579 г.; рис. 14, ср. с рис. 16). Аксессуар

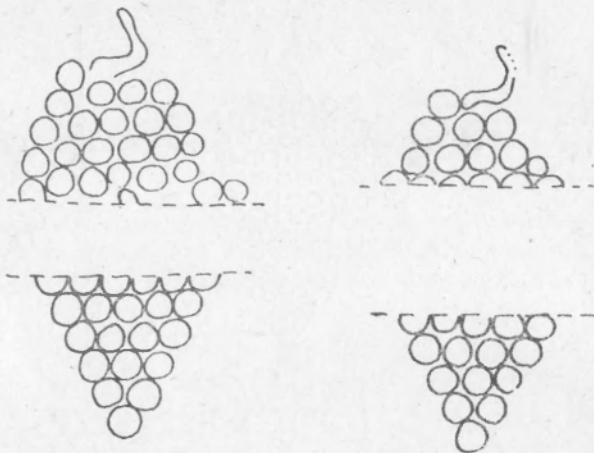

Рис. 13. Знаки «Слободской Псалтири» (1577 г.). Реконструированы на основании кодикологического анализа экземпляра БАН.

виноградной грозди в этом знаке — литеры ВG, соединенные лилей, — появился в качестве маркировки бумаги не позднее 1568 г. (Брике, № 9289 — рис. 15). Примерно в это же время литеры ВG (но без лилии) стали использоваться и как сопроводение грозди винограда (№ 13172 у Брике — 1569 г.), однако потребовалось несколько лет, чтоб сюжет знака развился до формы, представленной в Ц-Б.³⁴

Третий сюжет этого типа филигрانی (№ 2815 у Лихачева) имеет две близкие разновидности: Брике № 13183 (1576 г.) и Хивуд № 2177 (1579 г.) — рис. 17.³⁵

³⁴ Нелишне отметить, что аксессуар и третьего сюжета этого типа филиграней — литеры DD — также первоначально имел самостоятельное бытование (см.: № 9374 у Брике — 1569 г.). Примечательно, что и другие литературные знаки этого типа, в том числе и представленные в Ц-А, через некоторое время после начала их использования для маркировки бумаги начинают соединяться с каким-либо эмблематическим изображением (что, впрочем, не исключает и отдельного их бытования в те же самые годы); вероятно, в этом проявляется какая-то еще не вполне ясная закономерность их эволюции.

³⁵ Есть еще один близкий знак на бумаге рукописи ГПБ, F^o.I, № 471, написанной будто бы в 1541 г., однако Н. П. Лихачев, опубликовавший

Выявив параллели к определяемым знакам среди датированных, установим по формуле Щепкина наиболее вероятные интервалы их бытования. Для всех трех сюжетов данного типа период максимальной вероятности их использования находится между 1573/74 и 1583/84 гг.³⁶

Филиграни третьего типа в Ц-Б представлены двумя сюжетами, отличающимися фамилией фабриканта: Жан Нивелль в первом сюжете и Симеон Нивелль во втором (рис. 18). Эти фили-

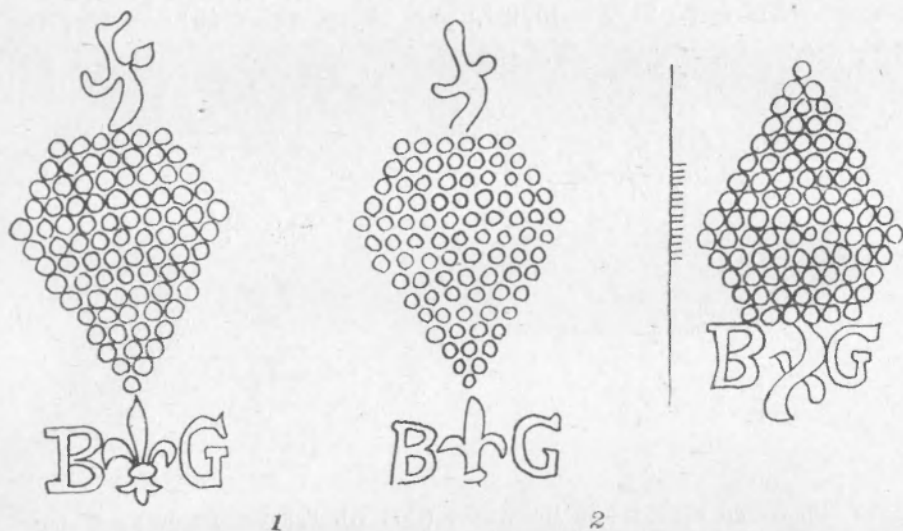

Рис. 14. Знаки «виноград» с литерами ВГ в Ц (1) и датированных документах (2 — Хивуд № 2177 — 1579 г.; 3 — Брике № 13172 — 1569—1589 гг.).

границ также использованы Р. Г. Скрынниковым в качестве подтверждения своей датировки Ц.³⁷ Правомерны ли отсылки Скрынникова к датированным параллелям в альбомах?

этот знак (№ 1695), высказывает сомнение по поводу истинности датировки названной рукописи.

³⁶ Для второго и третьего сюжетов точка отсчета (среднестатистическая норма по Щепкину) определялась на основании показаний близких знаков. Для первого сюжета из всей совокупности показаний сходных знаков в качестве ранней границы приняты показания знака Лих. № 3950 — близкой разновидности второго вида этого сюжета, в качестве поздней границы — последнее показание из всей группы сходных видов, приведенное Брике при № 13154 — 1591 г.

³⁷ Знаки охарактеризованы следующим образом: «1) комбинация (четырёхлиственный, лиллия и имя) отмечена у Брике под номерами 7079—7088 (даты: 1540—1582 гг.), а у Хивуда — номерами 1445—1446 (даты: 1526—1570 гг.)». — Скрынников Р. Г. О времени работы..., с. 161. — Из приведенной цитаты следует, что автор не замечает принадлежности этих знаков Ц-Б двум сюжетам, не говоря уже о том, что первый сюжет (с именем Жана Нивелля) представлен двумя разновидностями.

Сразу отметим, что знак № 1446 у Хивуда (1570 г.) действительно близок разновидностям этого сюжета в Ц-Б, их объединяют как пропорции и графика лилии, увенчанной розеткой, так и форма бандероли под лилией, но главный признак — это распо-

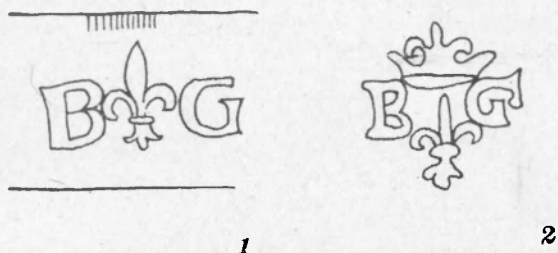

Рис. 15. Бытование знака ВГ отдельно от грозди винограда.

1 — Брикe № 9289 (1568 г.); 2 — Брикe № 9290 (1594 г.).

ложение первой буквы фамилии фабриканта в зеркальном повороте, отчего она приобрела вид русского И. Отсылка же к № 1445 у Хивуда (1526 г.) неправомерна, так как этот вид у Хивуда

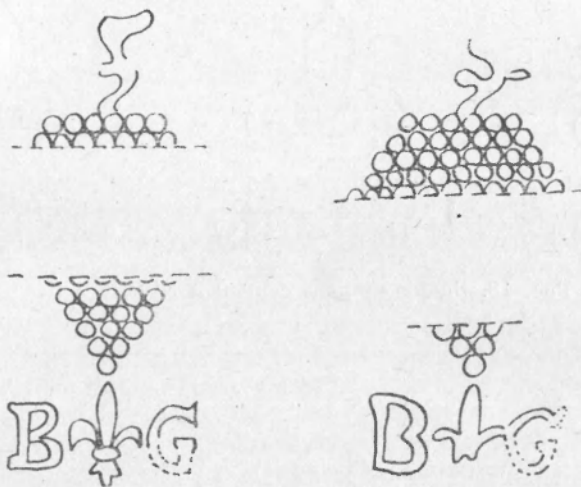

Рис. 16. Знаки «Слободской Псалтири» (1577 г.). Реконструированы на основании кодикологического анализа экземпляра БАН.

представляет более раннюю ступень в эволюции сюжета (ср. знак № 3036 у Лихачева — 1559 г., представляющий одну из переходных форм между № 1445 и 1446 у Хивуда — рис. 19).³⁸ Из всей

³⁸ Общими признаками знаков Хив. № 1445 и Лих. № 3036 выступают форма бандероли и пропорции нижней части лилии, являющейся как бы продолжением среднего лепестка, что, несомненно, свидетельствует о их генетической связи; однако горизонтальный элемент, отделяющий верх цветка от низа, в знаке Лих. № 3036 уже имеет форму и размер, близкие к знакам Хив. № 1446 и Ц-Б.

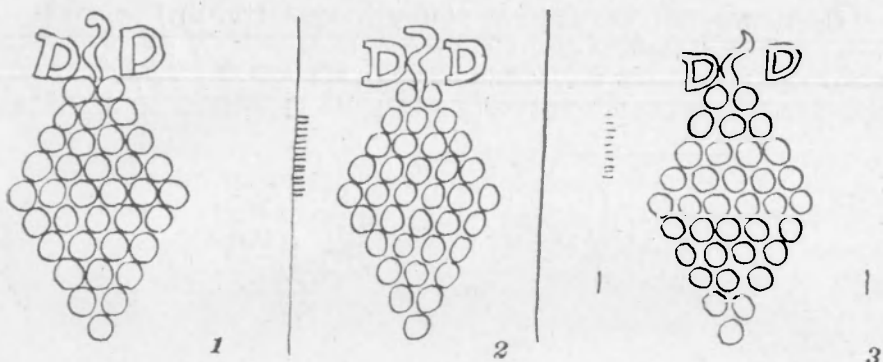

Рис. 17. Знаки «виноград» с литерами *DD* в Ц (1) и датированных документах (2 — Брикe № 13183 — 1576 г.; 3 — Хивуд № 2170 — 1579 г.).

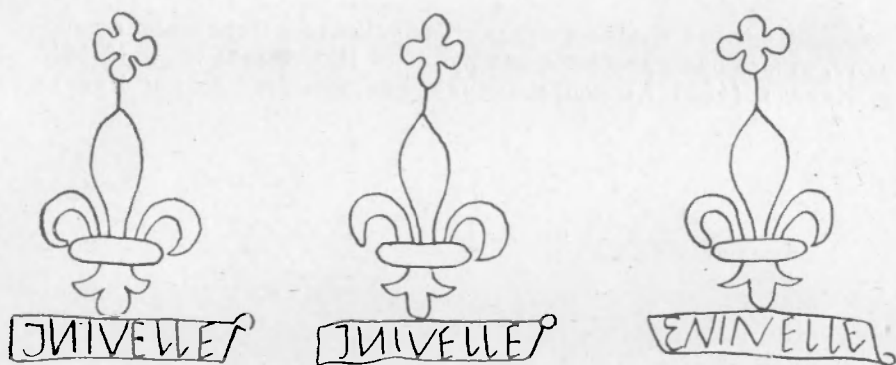

Рис. 18. Знаки «лилия» с именем *Nivelle* в Ц.

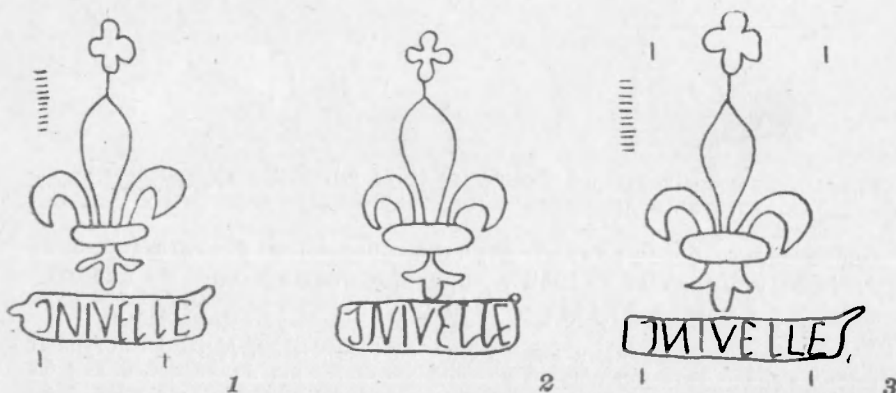

Рис. 19. Эволюция знака «лилия» с именем Жана Нивелль.
1 — Хивуд № 1445 (1526 и сл. г.); 2 — Лих. № 3036 (1559 г.); 3 — Хивуд № 1446 (1570 г.).

совокупности знаков этого сюжета, воспроизведенных в альбоме Брикe (на которую Р. Г. Скрынников дает одну общую ссылку), сходным видом к знакам Ц-Б может быть признан лишь первый (т. е. № 7079 — рис. 20).³⁹ Однако брать показания этого знака для датирования знаков Ц-Б непосредственно нельзя без учета эволюции сюжета (графическое развитие данных сюжетов проис-

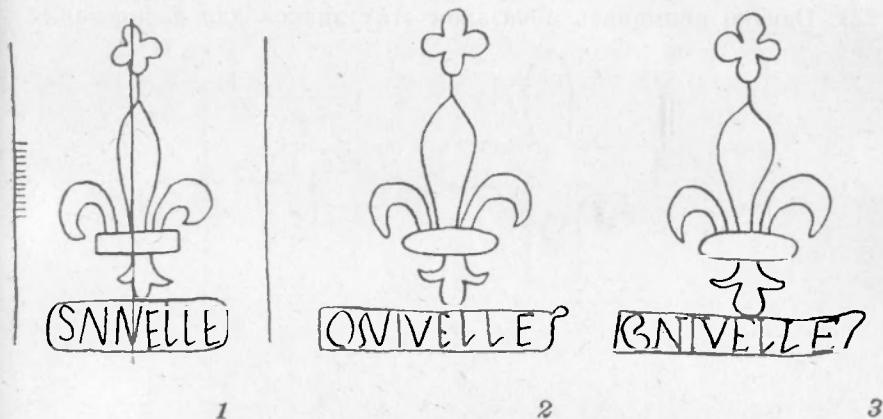

Рис. 20. Эволюция знака «лилия» с именем Симеона Нивелль.

1 — Брикe № 7079 (1540 г., варианты сходные до 1570 г.); 2 — Лих. № 3039 (1568 г.); 3 — Лих. № 3119 (1568 г.).

ходило параллельно — ср. рис. 19 и 20). Относительно близкими к знаку лилии второго сюжета являются № 3039 и 3119 у Лихачева (1568 г.); они различаются по форме бандероли, но связаны формой инициала перед фамилией (имя «Симеон» в знаке Ц-Б обозначено графемой, напоминающей греческую Σ, знак № 3119 у Лихачева дает явно переходную форму графемы инициала; что же касается инициала О в знаке № 3039 у Лихачева, то, вероятно, здесь прав Брикe, счехший это погрешностью прочтения, см.: The New Briquet, v. 1, p. 392). Определив близкие разновидности и соотношение сходных видов, по формуле Щепкина устанавливаем, что наибольшая вероятность бытования знаков бумаги третьего типа Ц-Б относится к концу 60-х — началу 70-х годов (конкретнее — к 1564—1574 гг.).⁴⁰

³⁹ Из остальных знаков, репродуцированных Брикe, сразу же отпадают № 7080—7083 и 7086—7088, так как они применялись для маркировки бумаги меньших форматов (31×43 и 33×43 см), чем листы, использованные для создания Ц (33,2×47,1); № 7084 и 7085 использовались при отливке бумаги большего или весьма близкого к листам Ц формата, однако графически они весьма далеки от знаков Ц-Б. Следовательно, ссылка Р. Г. Скрынникова на всю группу знаков в альбоме Брикe совершенно неправомерна.

⁴⁰ Отметим, что и Брикe указывает на конец 60-х годов XVI в. как на время наибольшего распространения знаков, *сходных* («varietes simi-

Филиграни бумаги четвертого типа в Ц-Б представлены тремя сюжетами: «крест» и «цветок» (4- и 5-лепестковый). Для таких графически сверхпростых филигрانой очень трудно установить определенные степени сравнения, близкими или сходными знаки могут быть только по метрике и стратиграфии, в части же графики здесь предпочтительней термин «аналогия». Графически аналогичные знаки данных сюжетов имеются в альбомах (рис. 21 и 22). Однако применять показания этих знаков для датирования

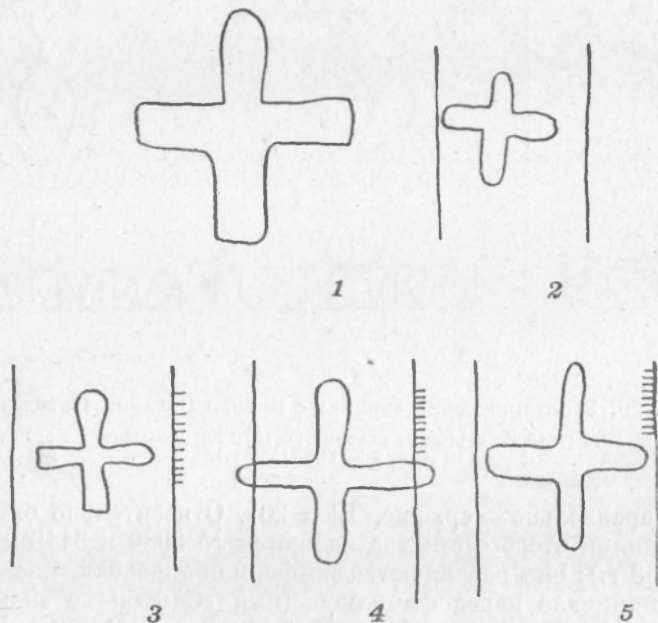

Рис. 21. Знаки «крест» в Ц (1, 2) и аналогии в датированных документах (3 — Брикe № 5455 — 1558 г.; 4 — Брикe № 5458 — 1580 г.; 5 — Брикe № 5459 — 1583 г.).

Ц нужно с большой осторожностью, так как все они обнаружены на бумаге значительно меньших форматов, чем использованные при создании Ц. Поэтому вплоть до того как будут обнаружены датированные тождественные знаки, наиболее правильной будет констатация факта использования знаков, аналогичных формам Ц-Б, на протяжении всей второй половины XVI в.

Итак, обстоятельное рассмотрение знаков бумаги Ц-Б в сопоставлении с опубликованными в альбомах дает нам следующую картину их наиболее вероятной хронологической привязки, т. е.

laire») с № 7079, отмечая, что именно после 1560 г. большие форматы, маркируемые знаками таких видов, получают значительное распространение, тогда как в более ранний период преобладали более мелкие форматы бумаги со сходными филигранями.

указывает на вторую половину 70-х годов XVI в. как наиболее вероятное время синхронного бытования бумаги с данными филигранями:

	«Герб университета г. Парижа»	«Виноград» (3 сюжета)	«Геральдическая лилия» (2 сюжета)	«Кресты» и «цветки» (3 сюжета)
Интервал времени	1571— 1587 гг. ⁴¹	1573/74— 1583/84 гг.	1564— 1574 гг. ⁴²	50—90-е годы

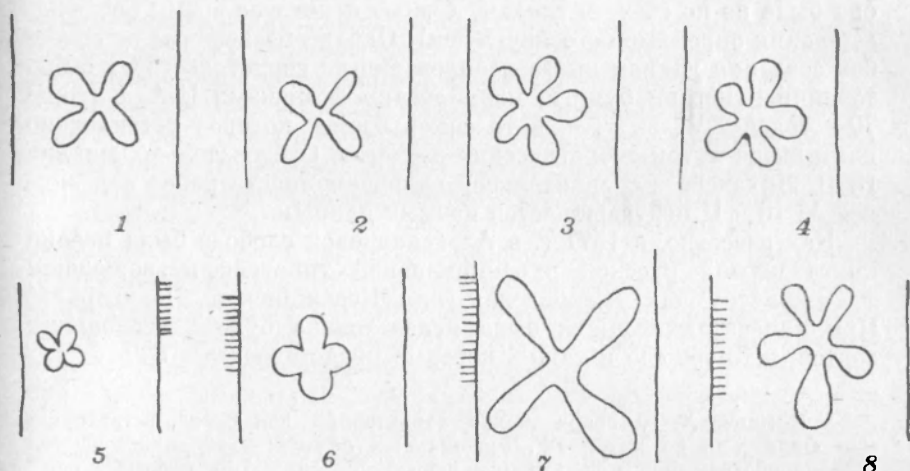

Рис. 22. Знаки «цветок» в Ц (1—4) и аналоги в датированных документах (5 — Брикe № 6318 — 1538 г.; 6 — Брикe № 6319 — 1575 г.; 7 — Брикe № 6315 — 1593 г.; 8 — Брикe № 6360 — 1575 г.).

IV. Подтверждаются ли установленные нами на основе западноевропейских показаний хронологические рамки складывания комплекса знаков Ц данными бытования такой бумаги в России?

Н. П. Лихачев установил, что бумага книги № 10 Статейных списков сношений с Польшей содержит набор знаков, совпадающий в основном с комплексом филиграней Ц-А, причем знаки Книги № 10 являются вариантами и разновидностями знаков Ц-А.⁴³ Помимо общего для Ц-А и Книги № 10 ряда знаков, в первой есть филигрань «ВФ под короной», а во второй — «ВВ под ко-

⁴¹ Учитывая то, что знак Ц-Б мог с равной вероятностью как предшествовать, так и последовать знаку № 1840 у Брикe (см. примеч. 29), мы сочли необходимым к среднестатистической норме последнего дать поправку в обе стороны.

⁴² Установленный период представляется наиболее ранним из возможных, так как знаки Ц-Б могли использоваться либо одновременно с близкими разновидностями, привлеченными для подсчетов, либо последовать им (в таком случае интервал сдвигается на два-три года в более позднюю область).

⁴³ Лихачев Н. П. Палеографическое значение..., т. I, с. 316.

роной»; оба знака в близких разновидностях известны по другим томам Свода.⁴⁴ Книга № 10 включает в себе тексты дипломатических документов за 1575—1579 гг., следовательно, временем ее составления является либо вторая половина 70-х годов (если предположить, что формировалась она по частям, отдельными тетрадями, по мере поступления текстов), либо конец 70-х—начало 80-х годов (если предположить, что складывание ее явилось единовременным по своему характеру действием, т. е., что написана она была не по свежим следам, а через некоторое время после завершения определенного круга дел). Однако независимо от способов создания данная книга неопровержимо свидетельствует о бытовании в России бумаги, маркированной знаками Ц-А, в конце 70-х годов XVI в., т. е. в то самое время, которое установлено нами выше путем теоретических расчетов. Следовательно, мнение Н. П. Лихачева о сравнительной одновременности работ над книгой № 10 и Ц подтверждается новыми данными.⁴⁵

Как известно, в 1577 г. в Александровой слободе была издана книга первой русской провинциальной типографии, вошедшая в литературу как «Слободская, или Невежинская, Псалтирь».⁴⁶ При напечатании книги была использована бумага нескольких сортов, в том числе и таких, которые представлены в Ц.⁴⁷

---

⁴⁴ В Книге № 10, сверх знаков, характерных для Свода, встречается еще филигрань из литер DF, соединенных линией; этот знак известен по западноевропейским документам первой половины 70-х годов (см., например, № 3136, 3137, 3140 у Лихачева). Следует подчеркнуть, что предыдущая и последующая книги польских статейных списков (за 1570—1571 и 1579—1580 гг.) исполнены на бумаге с другими знаками, не характерными для Ц-А.

⁴⁵ Мысль Д. Н. Альшица (Иван Грозный. ., с. 287—288) о написании польских посольских книг на переданных Посольскому приказу остатках бумаги, использованной ранее при создании Лицевого свода, не может считаться обоснованной альтернативой мнению Н. П. Лихачева и в общем «работает» против ранних датировок Ц (хотя сам по себе факт передачи части бумаги из одного учреждения в другое вполне вероятен). Предположение, что несколько десятков или сотен листов, оставшихся после прекращения работ над Сводом, лежали в ожидании использования добрый десяток лет (а то и полтора, если вспомнить датировку Ц Р. Г. Скрынниковым), может быть сделано лишь без учета истории делопроизводства. Между тем достаточно даже самого поверхностного ознакомления с сохранившимися архивными описями XVI—начала XVII в. для убеждения в том, что приказы Московского государства постоянно поглощали такие массы бумаги, в которых несколько десятков (оставшихся — по Д. П. Альшицу — от Свода) были каплей в море.

⁴⁶ Этому уникальному изданию как-то не повезло в части изучения. Существует огромная библиография о Иване Федорове и его изданиях, менее, но весьма обстоятельно исследовались и исследуются «дофедоровские» анонимные издания. Что же касается Андроника Невежи, которого наряду с Иваном Федоровым по праву следует считать одним из основателей российского книгопечатания, то его деятельность, равно как и книги, им изданные, до сих пор находятся в тени.

⁴⁷ Далее мы лишь в минимальной степени затрагиваем вопросы о филигранях «Слободской Псалтири». Более обстоятельно об этом будет сказано в специальном исследовании о бумаге этого издания. (В последнее

Бумага, маркированная сочетанием литер, выпускалась в увеличенных по сравнению с наиболее распространенными форматах, а знак размещался не в центре полулиста, а ближе к краю. При двойном сгибе (формат «Слободской Псалтири» = 4°) филигрань оказывалась в фальце, вблизи верхней или нижней кромки (в зависимости от начальной ориентации листа). При переплете отпечатанных листов знак почти всегда уходил в корешок книги и нередко срезался полностью или частично (особенно при последующих поновлениях переплета), поэтому обстоятельное определение литерных филиграней в «Слободской Псалтири» было до последнего времени весьма осложнено.⁴⁸

Экземпляр «Слободской Псалтири», принадлежащий Библиотеке АН СССР, был по нашей просьбе расплетен (в процессе подготовки к реставрации), и тем самым стало возможным более полное исследование знаков. В результате осуществления графометрического анализа мы со всей ответственностью можем утверждать, что Андроник Невежа для отпечатывания некоторых листов книги использовал бумагу с филигранями, предельно близкими (в ряде случаев почти тождественными) знакам Лицевого свода, в частности Ц-А. На листах расплетенного экземпляра выявлены знаки «IR с лилией», «ID под короной»,⁴⁹ «RR под короной» (т. е. филиграня, близкие к знакам более ранних томов Свода), «BF под короной», «корона малая», «APR под короной» (в разновидностях, близких к знакам Ц-А); знак «литеры DF, соединенные линией» (в разновидностях, близких к знакам Посольской книги № 10).⁵⁰

Устанавливая наиболее вероятный интервал для складывания комплекса знаков Ц-А (см. с. 164), мы оставили в стороне показа-

---

время наши наблюдения относительно бумаги «Слободской Псалтири» частично повторены также Б. М. Клоссом в докладе «Время и место создания Лицевого свода» на конференции «Проблемы изучения коллекций славянорусских и византийских рукописей» в Москве 17 мая 1979 г. и в названной выше монографии на с. 246—249. Собственно фактологические наблюдения Клосса в основном верны, интерпретация же их представляется поспешной и ошибочной, не учитывающей ряда технологических особенностей книгопечатания. Впрочем, в рамках настоящей работы от полемики в деталях мы воздерживаемся).

⁴⁸ Так, в общей форме наличие литерных знаков в бумаге данного издания было отмечено уже Т. Н. Каменевой (Неизвестное издание московской печати XVI века. — В кн.: Книга. Исследования и материалы, вып. 14. М., 1967, с. 133—144).

⁴⁹ Данный лист сохранился плохо, не исключено, что вместо I следует разуместь иную литеру.

⁵⁰ Напомним, что данный знак, согласно Лихачеву и Брикe, бывовал во Франции в 1565—1578 гг., однако наиболее близкие к филиграммам Книги № 10 и «Слободской Псалтири» разновидности встречены Н. П. Лихачевым в документах 1572 и 1573 гг. (Лих. № 3136, 3137, 3140, 3537), т. е. в стране производства бумага с данным знаком появилась в обороте как минимум на четыре года раньше, чем первый известный нам сейчас случай использования ее в России («Слободская Псалтирь» была начата печатанием в 1576 г.).

ния знаков «корона» и ВФ. Обнаружение точно датированных разновидностей данных филигранных позволяет теперь сказать, что «среднестатистическая норма» для знака «корона» будет падать на 1580 г., а для знака ВФ — на 1580/81 г., т. е. подтверждается теоретически установленный интервал для всего комплекса Ц-А, приходящийся на 1576—1581/82 гг. Отметим также, что «среднестатистическая норма» для знака АФ, определяющего знака Ц-А-1, приходится на более ранние годы по сравнению с определяющими знаками Ц-А-2. Важность данного факта будет раскрыта далее.

«Слободская Псалтирь» дает корректирующие сведения и для знаков Ц-Б. Большая часть листов Псалтири отпечатана на бумаге, маркированной филигранью «виноград» ряда сюжетов и видов. Филигрань «виноград» в XVI в. использовалась для особо больших форматов бумаги. Для книги формата Псалтири (4°) такой лист печатникам приходилось сгибать не дважды, а три раза (т. е. фактический формат данных листов книги не 4°, а 8°). При этом филигрань попадала на третий сгиб листа и, как правило, обрезалась, иногда полностью. Для обоснованного суждения о таком знаке его необходимо реконструировать по отдельным деталям, с учетом относительной стратиграфии знака, характера дна формы и т. п.

Проведенные нами реконструкции (на основании доступных нам экземпляров «Слободской Псалтири» и с учетом публикации К. Я. Тромоница) дают почти полное тождество (см. рис. 14 и 13) и близкие разновидности (см. рис. 14 и 16) соответствующим знакам Ц-Б. (Напомним, что тождество знаков неопровержимо указывает на отливку листов в одной форме, а близость — в синхронно использовавшихся формах).

Уточнению локализации знаков Ц помогает изучение и других старопечатных изданий. Так, в 1965 г. Т. Н. Каменева обнаружила неизвестное ранее издание Часовника в 8°. ⁵¹ На основании комплексного изучения состава книги, шрифтов, инициалов, орнамента автор убедительно доказала, что данное издание отпечатано Андроником Невежей в Александровой слободе или в Москве после издания Псалтири. Время печати Часовника Каменева осторожно относит к концу 70-х — началу 80-х годов XVI в. Для проверки выводов, полученных в ходе шрифтоведческого и орнаментального анализа, автором были сделаны попытки привлечь и данные филигранных, однако определение знаков было выполнено лишь на уровне сюжетов, к тому же, как кажется, не всегда точно.

Нами исследована бумага экземпляра Часовника, хранящегося в ГПБ (шифр I.7.17). Экземпляр дефектный, с утраченным послесловием, отдельными листами в начале и середине кодекса, сильно обрезан (современный формат блока = 13.3 × 9 см), перво-

⁵¹ Каменева Т. Н. Неизвестное издание...

начальный состав тетрадей нарушен в ходе нескольких реставраций.⁵²

В экземпляре ГПБ представлена бумага трех сортов. Количественно преобладает бумага превосходной выделки, очень тонкая, с равномерным размолом массы; опытный глаз сразу опознает ее как сорт, использованный для Лицевого свода и Ц-А. Об этом свидетельствуют как интервалы понтюзо в листах бумаги этого сорта (28—29—30—31 мм), так и фрагмент филиграни, сохранившийся на л. 164.⁵³ На такой бумаге отпечатаны тетради 3—10, 14, 16—19, 21—24.

Пять тетрадей (2, 11—13, 15) отпечатаны на бумаге с узкими интервалами понтюзо, колеблющимися от 18—19 до 21 мм. На л. 95 у верхнего обреза, возле корешка, заметен фрагмент знака — четырехлепесткового цветка, графически весьма сходного с соответствующими цветками в Ц-Б. Две тетради (1 и 20) отпечатаны

⁵² Современный переплет книги, выполненный (поновленный) во время ее последней реставрации, как минимум четвертый по счету (если первым считать переплет, сделанный по отпечатанию издания). Через какое-то время бытования книги начальное шитье блока и фальцы листов достаточно обветшали, была проведена «реставрация» книги — «тетради» были сформированы шитьем «внахлест» (подобный способ шитья блока был достаточно распространен для малых форматов в XVII—начале XVIII в.), следы такого шитья видны на внутренних кромках листов. Еще через какое-то время вновь обветшавшая книга была отреставрирована более квалифицированно: листы подклеены к искусственным фальцам, укреплены кое-где края листов и, вероятно, тогда же были восполнены от руки утраты; для наращивания листов была использована бумага ручного отлива, следовательно, вторая реставрация была произведена скорее всего не позднее середины XIX в. Время шивки факсимилированного послесловия к изданию 1598 г. установить трудно, однако это было сделано еще до поступления книги в Публичную библиотеку. Измерение сетки форм позволило реконструировать первоначальный потетрадный состав. Называемые нами далее номера тетрадей условны, поскольку сигнатура на листах экземпляра ГПБ нет, пронумерованы же листы карандашом с перебоями и накладками. Первые восемь листов книги являются рукописным восполнением утраченных листов; подсчет знаков набора и графем рукописи позволяет утверждать, что 8 рукописных листов заменили 7 печатных, и тем самым печатный нумерованный лист, находящийся между л. 8 и 9 экземпляра ГПБ, является последним листом первой тетради. Из других тетрадей утрачены лишь отдельные листы, и выяснение их состава являлось чисто техническим вопросом.

⁵³ Из-за сильной обрезки блока при неоднократном переплетении фрагменты филигрanei сохранились лишь на четырех листах экземпляра ГПБ. На л. 164 у верхнего обреза просматривается литера А, по графике и метрике это должна быть начальная литера знака «АРР под короной», судя по всему близкая к знакам Ц-А и «Слободской Псалтири». Интервал понтюзо в 28—29—30—31 мм наиболее обычен для бумаги с филиграммами «литеры под короной» 70-х годов XVI в. Какими литерами, кроме «АРР под короной», была маркирована бумага этого сорта в Часовнике, неизвестно, однако то, что знаков было несколько, не подлежит сомнению: различная частота вервергов говорит о нескольких группах форм, а неодинаковая плотность листов и качество бумажной массы явно указывают на различных мастеров. Впрочем, по столь малым долям листа точно установить число форм очень трудно.

на бумаге третьего сорта, интервал понтюзо у этих листов составляет в среднем 23—24—25 мм, на л. 156 у верхнего обреза просматривается часть цветка, сходного со знаками Ц-Б, на л. 157 — трудно определяемый фрагмент филигрании, возможно, это один из сильно деформированных лепестков цветка, но не исключено и другое его определение. Напомним, что интервал понтюзо в бумаге с филигранями «малый крест» и «цветки» в Ц-Б составляет 22—23—25 мм (см. рис. 21 и 22).⁵⁴

По бумаге «Слободский Часовник» является безусловно вторичным по сравнению со «Слободской Псалтирью». Особо примечательно, что при печатании Часовника использовалась бумага со знаком APR, появившаяся (в близкой разновидности) лишь в конце Псалтири (в экземпляре БАН — в предпоследней, 34-й тетради), но уже совершенно отсутствует бумага со знаками «виноград» разных видов (большая часть Псалтири отпечатана именно на такой бумаге).⁵⁵ В то же время бумага с узкими интервалами понтюзо, маркированная «цветком», в Псалтири еще не представлена, но в Часовнике присутствует. Учитывая это обстоятельство, можно утверждать, что Андроник Невежа начал печатать Часовник не сразу по завершении Псалтири, но через какой-то отрезок времени.⁵⁶

Итак, филигранологический поиск по русским материалам позволил нам не только подтвердить общую правильность вычисленного ранее теоретически наиболее вероятного интервала бытования бумаги, использованной для написания Ц, но дал основания и для более узкой временной локализации ряда конкретных знаков как в Ц-А, так и в Ц-Б.

В качестве предварительного итога можем сказать следующее: филигранологическое исследование, сделанное на основе новой методики, с привлечением новых данных (неизвестных в свое время Н. П. Лихачеву), позволяет нам со всей уверенностью утверждать, что мнение Лихачева о времени написания как Лице-

⁵⁴ Распределение по тетрадам различных сортов бумаги вполне аналогично в экземпляре данного издания, хранящемся в ГИМ. На л. 120 Часовника ГИМ (широкие понтюзо) фрагмент литерной филигрании; на л. 164 — четырехлепестковый цветок, тождественный знакам Ц-Б.

⁵⁵ Понтюзо во всех листах Часовника ориентированы параллельно корешку, тогда как бумага, маркированная филигранями «виноград», для использования в книге формата 8° должна была сгибаться не три, а четыре раза, т. е. фактический формат ее был уже не 8°, а 16°, и понтюзо при таком сгибании обычно перпендикулярны корешку. Помимо того, бумага больших форматов, маркированная гроздью винограда, в 60—70-х годах XVI в. отливалась в формах с очень широкими интервалами понтюзо (в Часовнике же данный показатель не превышает 31—32 мм).

⁵⁶ В пользу этого свидетельствуют и наблюдения Т. Н. Каменевой над орнаментальными досками и шрифтовым материалом, в Часовнике более изношенном, нежели в Псалтири. Автор допускает мысль о возможности еще не обнаруженных изданий Андроника Невежи, разделяющих во времени Псалтирь и Часовник. Изучение бумаги невежских изданий вполне подтверждает подобное предположение.

вого свода в целом, так и заключительной его части, вошедшей в литературу под названием «Царственной книги», остается в силе.⁵⁷

Из всех предположений и суждений о времени создания «Царственной книги», о времени редакторской работы над последними частями Лицевого свода, высказанных в последние десятилетия, только мнение С. О. Шмидта, как показывает нам филологическое исследование, имеет достоинство научной гипотезы и может стать основой для дальнейшей разработки вопроса (вернее, огромного комплекса вопросов), связанного с изучением этого уникального памятника. Прочие же суждения, относящие время создания «Царственной книги» к 60-м годам XVI в. (если даже не к концу 50-х годов), являются при всем их остроумии и кажущейся аргументированности не более чем догадками, не находящими подтверждения в фактических данных.⁵⁸

V. Ранее мы сознательно оставляли в стороне вопросы кодикологической структуры Ц-Б, соотношения Ц-Б и Ц-А, соотношения С и Ц. Хотя имевшийся в альбоме Н. П. Лихачева филологический материал и позволял уже тогда высказать некоторые соображения по этим вопросам без проверки по подлинным рукописям, данные суждения представлялись нам несколько преждевременными. И если теперь мы решаемся их обнародовать то лишь потому, что даже беглое знакомство с отдельными частями рукописей Син. 149 и 962 позволяет наполнить ранее умозрительную конструкцию реальным фактологическим содержанием и наметить ряд первоочередных задач, решение которых необходимо для дальнейшего исследования последних томов Лицевого свода, кем бы подобное исследование ни было предпринято.

Итак, прежде о соотношении С и Ц.

Напомним, что все высказанные до настоящего времени точки зрения по этому вопросу можно свести к двум гипотезам. Первая, восходящая к исследованиям А. Е. Преснякова и Н. П. Лихачева, сводилась к признанию первичности С по сравнению с Ц и являлась вплоть до 1970 г. общепринятой; именно на основе

⁵⁷ Напомним итоговое заключение Н. П. Лихачева (Палеографическое значение... I, с. СLXIX): «Мы тщательно анализировали бумаги всех частей свода, „Царственной книги“, жития Николая чудотворца и некоторых других рукописей той же эпохи в следующем ниже „Описании бумажных водяных знаков“. Показания бумаги приводят к разительным выводам — мы указываем на семидесятые годы XVI столетия, как на время написания для большей части Лицевого свода. Для Царственной книги время определяется несколькими годами позднее».

⁵⁸ О соотношении понятий «гипотеза» и «догадка» применительно к источниковедческому исследованию см., в частности: Лурье Я. С. О гипотезах и догадках в источниковедении. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сборник статей 1976. М., 1977. — В свое время А. А. Зимин предложил для обозначения предположений, невероятность и невозможность которых может быть доказана, довольно жесткий (но привлекательный) термин «домысел», не прижившийся, однако, в отечественной литературе.

этой гипотезы была развита концепция двухэтапного редактирования заключительной части Лицевого свода, разделявшаяся едва ли не всеми исследователями Свода и оказавшая огромное влияние как на конкретно-источниковедческие, так и на общеполитические построения. Вторая гипотеза (возможность ее была заложена еще в первой работе Преснякова, но целых три четверти века оставалась нереализованной) была предложена Т. Н. Протасевой и поддержана Б. М. Клоссом; ее суть сводится к признанию С и Ц единым целым, исключая лишь явно вторичные, дублирующие и исправляющие текст С листы Ц. Так ли это на самом деле, и если не так, то как следует рассматривать С и Ц?

Публикация знаков С Лихачевым показывает, что они являются либо вариантами, либо близкими разновидностями аналогичных знаков Ц. Уже это обстоятельство является косвенным аргументом против признания первичности одной рукописи по сравнению с другой: точное воспроизведение комплекса знаков в двух рукописях, созданных в одном крупном центре, но со значительным интервалом во времени,⁵⁹ весьма мало вероятно, поскольку выпущает допускать достаточно продуманные целевые устанавки в подборе, распределении и расходовании бумаги с конкретными знаками.⁶⁰

Общность знаков С и Ц свидетельствует на первый взгляд в пользу гипотезы Т. Н. Протасевой о былом единстве этих двух рукописей, разделенных лишь позднее, в XVII в. Однако в флиграноведческом аспекте данная гипотеза может считаться доказанной лишь в том случае, если в комплексе С-1—Ц-А—С-2 (и до конца С)⁶¹ будет выявлена единая, ненарушаемая и соотноси-

---

⁵⁹ По самым осторожным подсчетам, на переписку и иллюстрирование С (даже если ее миниатюры первоначально оставались неиллюминированными, как то вполне основательно предполагает Протасева) требовалось не менее года; к этому необходимо прибавить время, потраченное на просмотр и весьма придирчивое, вплоть до внесения исправлений корректурного характера, редактирование готовой рукописи.

⁶⁰ Думается, что подробное, на уровне Ц, описание знаков С с указанием их полистного расположения, выполненное своевременно, могло бы стать опутимым барьером на пути построения концепции двухэтапного редактирования С-Ц. Однако Н. П. Лихачев не уделил должного внимания флиграмм Синодального тома, и в итоге из нескольких возможных (даже после первой работы А. Е. Преснякова) направлений в отечественной литературе возобладало одно, по иронии судьбы — наиболее фантастическое. В настоящее время после работ Т. Н. Протасевой, Б. М. Клосса (см. примеч. 6) и главным образом В. В. Морозова (Царственная книга как памятник летописания. Рукопись канд. дисс.; см. также ряд статей В. В. Морозова, опубликованных в 1977—1979 гг. в сборниках Института истории СССР АН СССР и Тезисах докладов конференций в Москве и Ереване) концепцию двухэтапного редактирования в ее классическом виде, включая и гипотезу о вторичности всей Ц относительно С, можно считать опровергнутой.

⁶¹ Здесь и далее под С-1 мы подразумеваем л. 7—93 рукописи Син. 962, содержащие изложение событий за 1535—1542 гг.; под С-2 — л. 94—495.

мая с другими томами последовательность использования в процессе написания рукописи бумаги с конкретными знаками.⁶² Критерий подобной последовательности указан нами выше (см. примеч. 19), но критерий этот применительно к С не «работает».

Приведенное Н. П. Лихачевым полистное расположение знаков Ц позволило определить кодикологическую структуру Ц-А (см. с. 161). С-1 по знакам вполне «стыкуется» с частью Ц-А-1, поскольку в л. 7—93 С наблюдаются те же самые знаки — АФ, «корона» и IRI — при явном преобладании первого.⁶³ Определяющие знаки Ц-А-2, как было указано выше, литеры ВФ и АРР. Первый лист С-2 (л. 94) маркирован знаком ВФ, однако далее: л. 95 — IRI, л. 96 — «корона», далее оба знака чередуются, а с л. 115 вновь появляется знак АФ.⁶⁴ Это обстоятельство — возвращение в С-2 к филиграммам комплекса С-1—Ц-А-1 — позволило предположить, что в конце С-2 мы встретим ту же бумагу, что и в Ц-А-2. Действительно, во второй половине С-2 встречаем набор знаков, идентичных второму пласту Ц-А: ВФ, АРР, IRI, «малая корона». Думается, что единственно возможным выводом из такого расклада различных видов бумаги является признание относительно одновременного и параллельного труда двух групп, составивших историю двух последовательных во времени периодов государственования царя Ивана Васильевича. Незавершен-

---

(порядок следования листов нарушен при переплете), повествующие о событиях 1553—1560 гг.; под С-3 — л. 496—583 (порядок листов нарушен), а под С-4 — л. 584—622, излагающие деяния 1563—1564 (С-3) и 1566—1567 (С-4) гг. Данные обозначения, разумеется, условны, однако они отражают реальную структуру рукописи и удобны в использовании.

⁶² В хорошо организованном крупном книгописном центре использование бумаги было регламентировано какими-то еще не вполне ясными нам сейчас нормами. На практике это вело к стадильности введения в оборот бумаги новых сортов. Этот обычай, характерный, по-видимому, для всякого книгописного центра с достаточно большим объемом продукции (а с некоторыми коррективами — и для книгопечатных центров раннего периода), позволяет значительно усовершенствовать методику кодикологического анализа. Подобная методика, идущая от изучения бумаги, была применена нами для исследования Хронографической части Свода (см.: Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978).

⁶³ Любезно сообщено В. В. Морозовым, просмотревшим в 1978 г. первую треть С по предмет установления чередования филиграней по листам. См. также примеч. 19.

⁶⁴ Чередование знаков АФ и «корона» продолжается, как сообщено В. В. Морозовым, до л. 216 и, по нашим наблюдениям, далее. Следует указать, что в рукописях Свода знак довольно часто попадает на миниатюру и просматривается с трудом, либо не просматривается (из-за густой раскраски, особенно насыщенной в С) вообще. В таких случаях определение филигранны возможно путем обмеров сетки, но метрическое отождествление листов бумаги по сетке требует тщательного изучения каждого листа, что при существующем порядке явно невозможно. Впрочем, как показывает опыт работы с рукописями Лицевого свода, единичные пробелы в массе определенных листов не меняют общей картины.

ность работы в целом, утраты последующего времени привели к тому, что до нас дошли лишь разбитые отделы этого цельного по замыслу труда. Замыслы составителей, однако, в отличие от воплотивших их подлинных рукописей, можно реконструировать.

Предшествующая С часть Лицевого свода («Шумиловский» том) доводила повествование до конца августа 1533 г., т. е. до времени последнего «езда» Василия III, в котором он смертельно заболел. Однако С (в сохранившейся части) начинается изложение с середины фразы рассказа об осаде Стародуба в летние месяцы 1535 г., т. е. в сохранившихся до нас рукописях Лицевого свода утрачены повествования о событиях почти двухлетнего периода. Впрочем, еще А. Е. Пресняков указал, что этот пробел покрывается сведениями Александро-Невской летописи (далее — АНЛ), представляющей собой список с части Лицевого свода, сделанный до утраты части листов последнего.⁶⁵ Мнение Преснякова в последние годы подтверждено и уточнено С. А. Морозовым и В. В. Морозовым.⁶⁶ Из АНЛ (см.: ПСРЛ, т. XXIX) мы можем узнать не только содержание утраченных листов С-1, но и примерное количество их. Подсчет показывает, что для размещения текстов Повести о болезни и смерти Василия III и рассказов о последующих событиях в Лицевом своде требовалось не менее 60 листов.⁶⁷ Непосредственно за ними следовали 87 листов С-1, дошедшие до нас без видимых утрат. Далее — пробел на стыке С-1 и Ц-А; исходя из объема текста в АНЛ, можно предположить, что утрачено не более 5—7 листов. Затем 421 лист Ц-А и вновь пробел на стыке Ц-А-2 и С-2; исходя из объемов текста в АНЛ, Лебедевской (далее — Л) и Никоновской, можно полагать, что утрачено примерно 10—13 листов. И, наконец, завершать первую часть Истории Грозного царя могли первые листы С-2, маркированные знаками, идентичными филиграммам Ц-А-2.⁶⁸ Общий объем

⁶⁵ Пресняков А. Е. 1) Царственная книга... с. 29—30; 2) Московская историческая энциклопедия. СПб., 1900, с. 47—48 и сл.

⁶⁶ См., например: Морозов С. А. 1) Повесть о смерти Василия III и русские летописи. — В кн.: Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978, с. 61—77; 2) Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1979, с. 11—12; Морозов В. В. О составе так называемой Царственной книги (Син. 149). — В кн.: Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979, с. 80—81 и сл.

⁶⁷ Используя предложенную нами методику установления соотношения словесного и графического повествования в Лицевом своде (см.: Амосов А. А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного. Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода. — ТОДРЛ, 1979, т. XXXIV, с. 49—60), число утраченных листов можно подсчитать и более точно, вплоть до единицы. В данном случае это не имеет принципиального значения, так как не меняет характера картины в целом.

⁶⁸ По логике вещей было бы естественным искать границу, разделяющую первую и вторую «части» Истории Грозного, при переходе от событий 7061 г. к новому 7062-му. Однако рассказ о сентябрьских происшествиях 7062 г. начинается не с лицевой стороны листа, а с оборота (л. 97 об.), чисто палеографические приметы (письмо, цвет чернил) вполне совпадают как с предшествующим, так и с последующим листами,

первой рукописи составлял около 600 листов, содержащих повествование о болезни и смерти Василия III⁶⁹ и до 1553 г. включительно, т. е. за первые 20 лет правления Ивана IV.⁷⁰

Основное ядро второй «части» Истории Грозного дошло до нас в составе С-2 (исключая, возможно, ее первые листы). Изложение событий с 1553 г. до середины августа 1560 г. занимает около 400 листов. Выше, говоря об относительно одновременной работе по написанию двух разделов Истории Грозного, мы подразумевали то, что работа над ними велась параллельно, но не синхронно: одна рукопись, именно С-1—Ц-А, была начата составлением ранее другой и как бы «опережала» последнюю. Говорить об установлении абсолютного хронологического интервала подобного «опережения» (равно как и об абсолютных датах работы над

следовательно, палеографического рубежа здесь нет. Не исключено, что рубеж между двумя «частями» Истории проходил как раз на утраченных листах. Дело в том, что первые листы С-2 (исключая л. 94) маркированы знаками, характерными как для Ц-А-1, так и для Ц-А-2 («корона», IRI). А л. 94, маркированный знаком ВР, характерным как раз для Ц-А-2, заметно отличается от них как по письму, так и цвету чернил, что позволяет предполагать более позднее, вставное, его происхождение. Окончательно вопрос этот может быть решен лишь после всеобъемлющего исследования С. При этом признаки подобного рубежа могут быть не обязательно четкими, но и довольно размытыми: например, едва уловимое изменение цвета чернил; незначительные отклонения в манере письма, смена стиля и «почерка» основного художника и т. п. (Мы говорим о «манере письма» как понятии более емком, нежели почерк, включая сюда не только графические начерки букв, но и плотность их в строке, высоту, степень наклона, толщину штрихов и т. п., т. е. все те признаки, которые и характеризуют письмо как таковое. Думается, что данное понятие более предпочтительно, поскольку в рукописях Свода индивидуальность почерка, т. е. графических образов букв, очень сглажена; нередко возникает иллюзия смены почерка, тогда как на деле произошла смена орудия письма, возврат к письму после некоторого перерыва и т. д.).

⁶⁹ Следует оговориться, что Повесть о болезни и смерти Василия III могла и не входить в состав С, а являться органическим завершением предшествующей части Лицевого свода, повествующей о правлении Василия Ивановича. Основанием такого отнесения могут быть наблюдения С. А. Морозова над принципами построения этой части Свода: рассказ о Василии Ивановиче начинается повестью «О чудесном зачатии и рождении...», и в этом плане Повесть о болезни и смерти, соединенная с повествованием в целом, придавала биографии великого князя характер жития, с присущей житию трехчленной композицией (ср.: Морозов С. А. Летописные повести..., с. 11—12).

⁷⁰ Думается, что двадцатилетний период был избран составителями Свода не в силу каких-либо символических или мистических побуждений, а обусловлен структурой их основного источника. По основательному предположению В. В. Морозова, главным источником для составителей С-Ц был так называемый Свод 1560 г., представляющий собой — упрощенно — Воскресенскую летопись, продолженную Летописцем начала царства и дополненную изложением событий 1554—1560 гг. (см.: Морозов В. В. Царственная книга как памятник летописания). Оригинал Свода 1560 г., по-видимому, не сохранился (или во всяком случае пока не обнаружен), поэтому всякие суждения о его внутренней структуре не выходят за пределы догадок. Однако ранняя редакция ЛНЦ оканчивалась именно 1553 г.

рукописями) пока преждевременно. Но для определения времени относительного «опережения» некоторые данные есть.

Характеризуя кодикологическую структуру Ц-А, мы указывали на «связующую зону» между первым и вторым пластами книги, разумея под ней часть рукописи от первого появления филигрании ВФ до последнего появления знака АФ. В Ц-А «связующая зона» занимает 57 листов. Важнее, однако, другой момент в кодикологической структуре Ц-А: почти сразу же за «связующей зоной» в Ц-А-2 наблюдается появление знака АРР, и уже после этого момента филигрань АФ более в Ц не встречается. Если наше утверждение о параллельной работе над С-1—Ц-А, с одной стороны, и С-2 — с другой, справедливо, то подобная же картина должна наблюдаться и в последовании листов бумаги с конкретными филигранями в С-2. Насколько удалось установить, первое появление филигрании АРР в составе С-2 имеет место в л. 337. После данного листа в С последовательность чтений нарушена в результате перебивки: должно читать л. 412—416, затем 338—355, 417, 356—411 и 418—495.⁷¹ При этом в л. 413—415 хорошо просматривается знак АРР, равно как и в следующих, чередуясь периодически с филигранями ВФ, «корона» и IRI, но зато знака АФ более не наблюдается вплоть до конца С-2. Следовательно, можно утверждать примерную синхронность исполнения листов 520 в Ц и 337 в С и уже отсюда выводить соотношения между двумя «частями» Истории Грозного (рис. 23).

С-2 доводит изложение событий до 14 августа 1560 г., далее следует пробел (вплоть до начала октября 1563 г.), перекрываемый, однако, текстами Л и АНЛ. Примерный подсчет показывает, что в составе С утрачено около 180—200 листов. Учитывая, что в С-3, продолжающем повествование, тот же комплекс филиграний, что и в заключительной части С-2, можно полагать, что утраченные листы были исполнены на такой же бумаге, т. е. комплекс С-2—утраченные листы—С-3 и представляет собой вторую «часть» Истории Грозного в Лицевом своде.

Есть, однако, обстоятельство, вынуждающее ставить вопрос еще об одной «части», третьем комплексе, работа над которым проводилась относительно параллельно двум первым. Первые 49 листов С-3 (л. 496—544, порядок листов отчасти нарушен) маркированы набором знаков, аналогичных Ц-А-2 и концу С-2. Далее, в л. 545 знак просматривается нечетко, л. 546—553 имеют знак ВФ, л. 554—559 — «корона», л. 560—562 — АФ (!), л. 563 — снова «корона», л. 564—568 — снова АФ (!), л. 569—572 — «корона», в л. 573—575 знак не просматривается, далее — знак ВФ (но в л. 578, 580, 582 знак не просматривается) и лишь в л. 583 — филигрань АРР. Т. е. здесь, во всяком случае в л. 545—

⁷¹ Принимаем здесь последовательность чтения, предложенную С. Ф. Платоновым при подготовке к печати XIII тома Полного собрания русских летописей (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, с. V).

581, мы имеем набор знаков, характерный для «связующей збны» Ц-А. Смена бумаги позволяет предположить, что где-то в этом интервале следует искать палеографический рубеж, отделяющий еще одну, «третью», часть Истории Грозного.

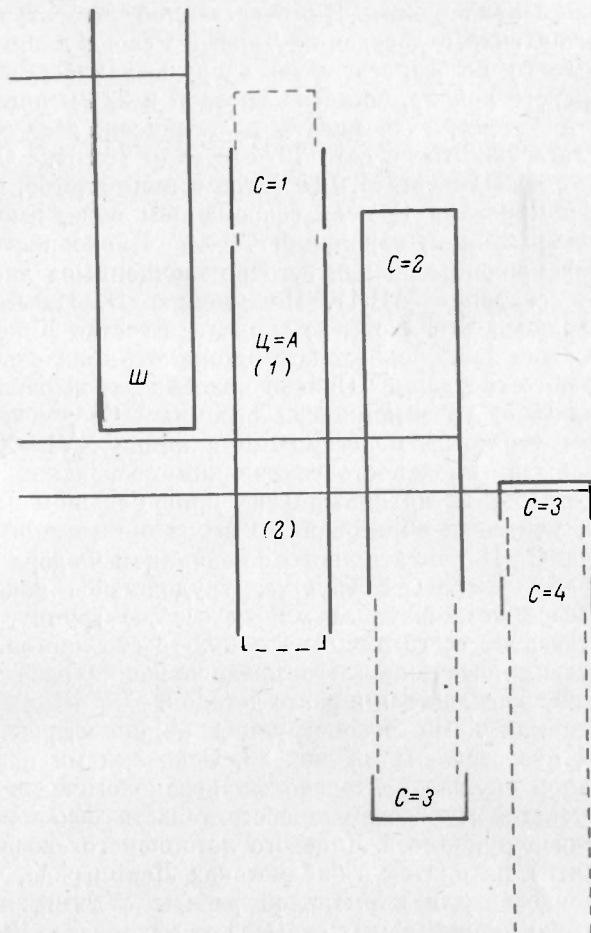

Рис. 23. Кодикологическая структура заключительных разделов первого варианта Лицевого летописного свода.

Линейный масштаб по вертикали соответствует примерному объему в листах; *сплошными линиями* обозначены сохранившиеся, *пунктирными* — утраченные части соответствующих комплексов; Ш — окончание «Шумиловского» тома; прочие условные обозначения раскрыты в тексте.

И действительно, л. 560, открывающий изложение событий сентября 7073 г., дает нам сразу смену орудия письма и цвета чернил по сравнению с предшествующим листом. Остатками третьей «части» Истории являются последние 24 листа С-3, доводящие изложение до октября 1564 г., утраченные ныне (но воспроизво-

дмные по АНЛ) примерно 50—60 листов с описаниями событий октября 1564 г.—апреля 1566 г. и, наконец, листы С-4, содержащие повествование о событиях с апреля 1566 г. по август 1567 г.

И в С, и в АНЛ рассказ прерывается одинаково и не создает впечатления законченности. В отечественной литературе укоренилось представление о доведении Лицевого свода лишь до 1567 г. Основанием его не в последнюю очередь явилась информация Описи Царского архива, согласно которой в 224-м ящике Архива сохранялись списки, «что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го».⁷² Однако еще в 60-х годах XVIII в. М. М. Щербатов в кипе листов, из которых и была сформирована Ц в ее современном виде, имел лицевые листы с изображением коронации Федора Ивановича и какие-то другие «перемешенные и для сего не вмещенные» листы (текст их отчасти сохранен АНЛ). По мнению Н. П. Лихачева и А. Е. Преснякова, эти листы не входили в состав Лицевого свода изначально, но являлись следами попытки привлечь внимание к Своду нового государя.⁷³ Однако подобная трактовка представляется несколько уязвимой: если огромный Свод дошел до нас с большими утратами, понесенными в конце XVI—XVII в., то велика ли была вероятность сохранения нескольких случайных листов, хотя бы и находившихся при большом комплексе? Нельзя ли, учитывая обрисованную выше организацию работ по составлению С—Ц, считать листы с венчанием Федора Ивановича следами работы третьей группы, трудившейся над С-3—С-4? Был ли смысл усаживать за работу особую группу, если этой работы оставалось всего лишь на каких-то сто листов? Впрочем, при отсутствии источников это предположение едва ли не всегда обречено оставаться в ранге догадок.

Предлагаемая нами реконструкция кодикологической структуры С—Ц представлена на рис. 23. Основаниями предлагаемой реконструкции служат не только филигранологические наблюдения. По счастливому стечению обстоятельств большая часть из сохранившихся рукописей Лицевого летописного свода (семь томов из десяти) находится в библиотеках Ленинграда, что открывает возможность для нормальной работы с ними, причем без сколько-нибудь значительных отрывов от материала. Комплексное изучение всех ленинградских рукописей Свода позволило нам расшифровать в деталях организацию работы по составлению и оформлению этого уникального памятника историографии.⁷⁴

⁷² Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 43.

⁷³ Лихачев Н. П. Палеографическое значение..., т. I, с. CLXXX; Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия, с. 50.

⁷⁴ Итоги этой работы впервые были изложены в докладе на заседании в ОРРК БАН в начале мая 1979 г. и затем (в сокращении) в докладе на конференции «Проблемы изучения коллекций славянорусских и византийских рукописей, хранящихся в СССР» в Москве 17 мая 1979 г. Статья

Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что параллельно с оформлением комплексов С-1—Ц-А-1 и С-2 (в первой его части) производилось завершение комплекса листов, составляющих ныне последний пласт «Шумиловского тома»: бумага последних 376 листов III вполне идентична бумаге первого и второго «разделов» Истории Грозного. Пласту бумаги с филигранями АФ, «корона» и IRI (с преобладанием АФ) в III предшествует использование бумаги, маркированной **только** знаком «корона» — 143 листа. Но в это же время (период использования бумаги с «корона») происходило завершение и еще двух комплексов: один из них, входящий ныне в состав «Голицынского» и «Лаптевского» томов, оканчивается пластом в 104 листа бумаги с филигранью «корона», а другой, разделенный между «Остермановским вторым», «Шумиловским» и «Голицынским» томами, завершается пластом в 120 листов бумаги, маркированной «коронай».⁷⁵ Т. е. буквально на подходе к введению в оборот бумаги с филигранью АФ завершили работу две группы (одна несколько ранее, другая чуть позже) и вскоре же началась работа по написанию двух «частей» Истории Грозного. Последние листы III были окончены еще до появления бумаги с филигранью ВФ.⁷⁶ Т. е. при подходе к «связующей зоне» освободилась очередная группа и были созданы условия для начала работы над третьей «частью» Истории Грозного, продолжавшейся, возможно, намного далее 1567 г. (см. выше).

Предлагаемая модель позволяет дать удовлетворительное объяснение и некоторым противоречивым, а на первый взгляд и взаимоисключающим друг друга скорописным редакторским припискам (в частности, освещению так называемого «боярского заговора» в приписках С и Ц, смущавшему многих исследователей). Опыт изучения предшествовавших томов Лицевого свода позволяет утверждать, что редактор (кем бы он ни был — сам Иван IV или особо уполномоченное им на то лицо) не дожидался завершения рукописи, просматривал ее отдельными частями, поступавшими к нему по мере написания. Думается, что предполагать иную процедуру редакторской работы над С и Ц нет необходимости. В таком случае «кажущаяся»⁷⁷ противоречивость некоторых

по докладу представлена в сборник «Древнерусское искусство. Рукописная книга», вып. III.

⁷⁵ О том, что листы эти были именно завершающими в данных комплексах, ясно свидетельствуют палеографические рубежи: в листах, продолжающих далее хронологическое повествование, другая бумага, другие чернила, отличающаяся манера письма, иные основные художники и красочная гамма иллюминаторов.

⁷⁶ Впрочем, если Повесть о болезни и смерти Василия III прилежала не к С-1, а к III (см. примеч. 69), то, вероятно, что знак ВФ, отмечающий начало «связующей зоны» в Ц-А, уже был в ней представлен. Утрата листов с Повестью оставляет данный вопрос открытым.

⁷⁷ Говорим «кажущаяся», потому что приписки на л. 108 об.—109 С и л. 650 об.—653 Ц появились, строго говоря, по разным поводам, следова-

приписок может быть объяснена и тем, что появление их на полях листов рукописей разделено значительным промежутком времени. Впрочем, это уже выходит за рамки настоящей статьи.

Редактирование Лицевого свода, особенно подробное, даже придирическое, применительно к Истории Грозного, вызвало необходимость перебеливания листов, испещренных приписками, следствием чего и было составление Ц-Б. Вторичность Ц-Б относительно С и Ц-А не подлежит ни малейшему сомнению. Однако мы не знаем, в каких пределах предполагалось перебеливание листов⁷⁸ и сколько именно новых листов было реально исполнено. Вероятно, можно лишь полагать, что современная Ц-Б представляет собой остатки замыслов и планов составителей.⁷⁹

Выше (с. 178 и сл.) установлено, что часть листов Ц-Б исполнена на бумаге со знаками «виноград», тождественными или близкими знакам «Слободской Псалтири». Это важный момент в установлении времени переработки первоначального варианта Истории.⁸⁰ Примечательно, что бумага с филигранями «виноград» не следует в Ц-Б сплошным пластом, но перемежается другими знаками, прежде всего с «гербом Сорбонны» и «геральдической лилией» (знаки «цветки» пока оставляем в стороне). Это обстоятельство

тельно, расхождения в их содержании не должны удивлять: это было как бы заранее задано содержанием комментируемого в приписках текста.

⁷⁸ Не исключено, что предполагалось заново переписать всю Историю Грозного, так как, помимо указаний на внесение новой информации, редактор приложил руку едва ли не к большинству листов, исправляя отдельные слова и даже буквы. Но возможен и другой вариант: перебелианию подлежали лишь листы, на полях которых были содержательные приписки и пометы, прочие же предполагалось заимствовать из первого варианта Истории (на такую возможность указывает В. В. Морозов (О составе так называемой Царственной книги. . ., с. 80—81 и сл.)).

⁷⁹ Впрочем, могло быть и так, что составители просто не успели по каким-то причинам перебелить все намеченные листы, например, при внезапном прекращении работы.

⁸⁰ Перебеливание «испорченных» редактором листов производилось и при составлении самых ранних разделов Лицевого свода (как в Библейской и Хронографической его частях — см.: Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода. . . — так и в Летописной части Свода). Но при этом для изготовления новых исправленных листов использовалась бумага тех же сортов, маркированных сочетанием литер. В Ц-Б нет ни одного листа с литерными филигранями, характерными для Лицевого свода в целом. Из этого обстоятельства следуют два возможных вывода. Отсутствие в Ц-Б бумаги с литерными филигранями может свидетельствовать, что запасы такой бумаги были уже полностью исчерпаны и тогда временем составления Ц-Б мы вынуждены признать 80-е годы XVI в. (после 1581 г.), поскольку в конце 70-х годов (п. возможно, в 1580/81 г.) бумага Свода еще использовалась при составлении Посольской книги № 10 и при печатании «Слободского Часовника» (изданного, как показано выше, через некоторый интервал времени после выхода в свет «Слободской Псалтири», т. е. заведомо после 1577 г.). Второе возможное из анализа бумаги Ц-Б заключение (не противоречащее первому) приводит нас к мысли, что переработка первого варианта Истории Грозного проводилась не в том центре или учреждении, где составлялся первый вариант.

позволяет утверждать, что в распоряжении мастеров, перебеливавших исправленную Историю, не было сколько-нибудь значительного запаса бумаги, маркированной «виноградом», думается даже, что не было больших запасов бумаги вообще.⁸¹ Т. е. переделка С-1—Ц-А производилась заведомо после печатания «Слободской Псалтири» с использованием отдельных листов, оставшихся от ранее сделанного запаса и «разбавляемых» другими, не менее случайными остатками.⁸² Эту часть Ц-Б, вторичную С-1 и Ц-А следует считать беловыми остатками первой переработки Истории Грозного.

Однако в Ц-Б представлены следы и второго редактирования. Согласно Н. П. Лихачеву, первое появление филигранный «цветок» в Ц-Б относится к л. 97—99, содержащим цитату из Летописца начала царства (далее — ЛНЦ), ср.: ПСРЛ, т. XIII, с. 422 и 90—91; на следующем листе 100 то же известие дано в краткой форме, восходящей к Никоновской летописи (и дословно воспроизведенное в АНЛ, повторяющей первый вариант Истории). Следующее появление знака «цветок» — л. 115—131; но на этих листах размещается еще одна пространнейшая цитата из ЛНЦ (ср.: ПСРЛ, т. XIII, с. 424—427 и 100—105). Третье появление филигранный «цветок» мы видим в л. 136, 138—139 и сл., но именно здесь мы имеем цитату (слегка подредактированную) и дальнейшую переработку первоначального текста, следовавшего Никоновской (= Воскресенской) с привлечением ЛНЦ (ср.: ПСРЛ, т. XIII, с. 427—428 и 110, 113). И далее бумага с филигранями «цветок» теснейшим образом связана с заимствованиями или переработками текста на основании ЛНЦ. Т. е. исправление и дополнение уже переработанного варианта Истории Грозного производились через какое-то время на бумаге новых сортов.⁸³ Тем самым как бы «возрождается» уже опровергнутая (см. сноску 60) концепция двухэтапного редактирования заключительной части Лицевого свода. Но возрождается на новой основе. Вторично редактировалась (и переделывалась) не вся история царя Ивана Васильевича, а лишь период 1533—1542 гг.; поводом к вторичному редактированию

⁸¹ Об этом говорит, в частности, то, что бумага, использованная для перебеливания отредактированных листов, имела различные форматы и неодинаковое качество. Листы, маркированные «лилей», несколько меньшего формата; нежели современный размер Ц. Качество бумаги со знаком «герб Сорбонны» заметно ниже соответствующего показателя бумаги с филигранями «виноград». Более того, составители были вынуждены «реставрировать» дефектные листы: л. 140 Ц составлен из двух отдельных частей.

⁸² Напомним, что «среднестатистическая норма», а следовательно, и вероятный интервал бытования бумаги с филигранью «геральдическая лилия» падает на более раннее время по сравнению с другими знаками, что явно указывает на их «остаточное» происхождение.

⁸³ Филигрань «цветок», использованная в близких разновидностях при печатании «Слободского Часовника», указывает, что и вторая переработка Истории Грозного имела место не ранее 80-х годов (более раннее использование этих филигранных в точно датированных документах или рукописях пока не установлено).

было не изменение воззрений редактора на события давно прошедшего времени, а «открытие» нового источника, более подробно излагающего некоторые деяния.⁸⁴

Думается, что толчком к вторичной переработке повествования о первом десятилетии правления Ивана Васильевича послужило обнаружение нового слоя повествования в основном источнике составителей С—Ц. Вне зависимости от того, был ли основным источником Свод 1560 г. (как то полагает В. В. Морозов) или список Оболенского Никоновской летописи (как это мыслит Б. М. Клосс), после 1542 г. события передаются уже не по Воскресенской летописи (которая этим годом собственно и завершалась), а по Летописцу начала царства. В ЛНЦ иной стиль рассказа, иное построение годовых статей и внутрискладебных известий, иной акцент выделения наиболее важных в глазах летописца событий. Не заметить этого составителям Свода или редактору памятника, т. е. лицам, явно понаторевшим в своем деле, было едва ли возможно. А отсюда уже и прямая дорога к «находке» собственно ЛНЦ.⁸⁵

VI. Мы сознаем, что предлагаемая модель «прочтения» истории создания Истории Грозного в составе Лицевого свода требует пересмотра (и порой кардинального) некоторых уже прочно устоявшихся в отечественной источниковедческой и исторической литературе представлений, что данная модель (пока) более ставит, нежели разрешает, многочисленные вопросы и уже в силу этого едва ли будет принята с энтузиазмом. Целью исторической науки, как и любой науки, является стремление к познанию истинной природы изучаемых явлений и событий; в этой цели мы и видим нравственное оправдание изложенных соображений. Подтвердить или опровергнуть нашу модель прочтения можно лишь на основании обстоятельного и всеобъемлющего исследования последних томов Лицевого свода — исследования с применением современных методов флигранологического, палеографического, искусствоведческого, источниковедческого анализа, с использованием современных технических средств (например, фототехники для прочтения угасших карандашных помет на страницах Ц). Выводы, по-

---

⁸⁴ Сходную мысль, но в качестве предположения, высказал В. В. Морозов (О составе так называемой Царственной книги... с. 83—84). Сейчас, как кажется, об этом можно сказать и более утвердительно.

⁸⁵ Не была ли эта «находка» связана с возможной сменой «руководящего всем делом центра»? Согласно С. О. Шмидту и В. В. Морозову (Шмидт С. О. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 265—281; Морозов В. В. Царственная книга как памятник летописания), текстом, по которому производилась переработка второго варианта Истории Грозного, мог быть список ЛНЦ в составе Патриаршего списка Никоновской летописи. Внешние особенности Патриаршего списка позволяют связывать его с книгописной мастерской митрополита Макария; там же, т. е. в митрополитской библиотеке, эта рукопись, судя по всему, хранилась и в 70—80-х годах XVI в.

лученные в ходе такого исследования, будут основаны не на логических построениях, оторванных от источника, но на объективных данных, полученных из самого оригинала изучаемого памятника. И начинать подобное исследование необходимо «от бумаги», как материального носителя словесной и графической информации. Представляется совершенно необходимым выявление всех вариантов и разновидностей филиграней в Ц и С (Н. П. Лихачев установил все виды, но далеко не все варианты), это поможет сравнению форм, отраженных в листах С—Ц и в листах других томов свода. А подобное сравнение позволит уже и более обоснованно и обстоятельно судить о последовательности смены форм, о последовательности введения в оборот новых листов, а значит — о хронологическом приурочении работы над отдельными пластами и даже отдельными листами рукописей. Только тогда мы сможем точно и окончательно решить вопрос, остающийся дискуссионным уже третье столетие.

Л. И. ПИНА

ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПИСЦОВЫХ КНИГ 20—30-х ГОДОВ XVII в. КАК ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

(на материалах Угличской земли)

Писцовые книги являются одним из главных источников по исторической географии XVI—XVII вв. Многие вопросы методики использования писцовых материалов для исторической географии XVI—XVII вв. разработаны с большой тщательностью. Достаточно вспомнить ценные историко-географические исследования и статьи С. Б. Веселовского, Ю. В. Готье, И. А. Голубцова, А. Н. Насонова, А. И. Копанева, С. М. Каштанова, Л. В. Милова и др. Давнюю традицию в нашей историографии имеет использование писцовых описаний как источника по изучению сельского расселения в России XVI—XVII вв.¹

Вместе с тем малочисленность источников XVI в. для некоторых районов Русского государства затрудняет изучение исторической географии этого времени, в связи с чем встает вопрос о возможности использования писцовых материалов 20—30-х годов XVII в. для выявления данных по исторической географии предшествующего времени.

Предметом настоящей статьи являются рассмотрение писцового описания Рожаловского стана Угличского уезда, входящего

¹ Обзор работ см.: Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII веках. М., 1974, с. 3—5.